

ОЛЬГА АНТЕР
МЕЖДУ ВЕТРОМ И ПЕСКОМ

16+

Ольга Антер

Между ветром и песком

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51558366

SelfPub; 2020

Аннотация

Два мира, два времени, два пути, сплетающихся вместе. Одна изменяющая, чьи следы сдувает с песка ветер. Небо Мишруми рассекают металлические шпильки, и разряды молний бьют в демонов, безостановочно ползущих сквозь разрывы реальности. Здесь играют с телом и душой, превращая изменяющих в безотказное оружие. Пустыню иного мира пересекает Священный путь, и начинается он задолго до того, как шагаешь на раскаленные плиты. Эхо шагов берет начало в прошлом, и каждое решение прядет ткань будущего. Сможет ли Аори увидеть, как сплетаются пути? Поймет ли разницу между слабостью и доверием? И дойдет ли к сердцу бога, лишившись всего, что подарила ей Астраль?

Содержание

1.	4
2.	33
3.	67
4.	91
5.	121
Конец ознакомительного фрагмента.	137

1.

Караван догнал одиночку ближе к вечеру, когда отблеск солнца уже навис над боком высокой дюны. Девушка плелась по тропе, и потертая холщовая сумка, перекинутая через плечо, покачивалась в такт неровному шагу. Капюшон фарки закрывал голову, шаровары – ноги, но рубашку путница почему-то сняла, открыв зною обожженные руки.

Чужачка.

Она не обернулась, даже когда Шуким гортанно, зычно крикнул.

Ящеры замедлили шаг и остановились. Бросив короткий взгляд на подопечных, тоо хлестнул жожака по чешуйчатому крупу. Зверь нервно огрызнулся, прыгнул вперед и, поравнявшись с безучастной находкой, тяжело затоптался рядом. Раздвоенный язык то и дело выскальзывал из пасти, касался вытертых, пыльных камней и отдергивался. Даже в тени, даже на закате Священный путь была раскален, как литая сковорода.

– Что привело тебя на мой путь? – традиционное приветствие арахов вышло глухим и невнятным из-за закрывающей рот куфии.

Злой восточный ветер бросил песок в их лица. Он атаковал караван последний час, все яростнее и яростнее с каж-

дым новым рывком. Горизонт скрылся за непроглядной рыжей стеной, и тоо подгонял караван, надеясь добраться до скалистой гряды прежде, чем буря доберется до них.

Яснее неба, что одиночке с обожженными руками не пережить этой ночи. И будет проклят тот караван, что не даст приют погибающему.

Она остановилась, словно только сейчас сочла присутствие огромного ездового ящера чем-то значимым. Пошатнувшись, подняла глаза и прищурилась, рассматривая наездника. Будто ожидала, что тот растает, как и прочие миражи, что делили с ней дорогу прежде. Грязное лицо не защищал даже жалкий платок, и тоо поспешно опустил край куфии.

Чужачка наградила его длинным немигающим взглядом. Непонятно, понравилось ей увиденное или нет. Шуким не отличался особой красотой – широкое лицо бронзового цвета, темные глаза, крючковатый нос над узкими губами, искривленными старым шрамом.

Как и все в караване, поверх рубашки тоо носил яркую полосатую безрукавку – фарку. В отличие от женской, длинной, она едва доходила до середины бедра и не путалась в ногах у наездника.

– Ты понимаешь меня? – когда Шуким свесился с седла, чтобы не перекрикивать ветер, из-за ворота рубашки выскользнул и закачался на длинной цепочке треугольный медальон. – Воды?

Помедлив, путница кивнула. Тоо неспешно, нарочито

неспешно снял с пояса обитую кожей флягу. Выхватив ее из заскорузлых пальцев, чужачка принялась пить жадно, взахлеб, так, словно последние несколько дней не позволяла себе больше одного-двух глотков за раз. Когда она запрокинула голову, тоо разглядел на шее бледную полоску. Такие могут появиться по сотне причин, лишь одна из которых – ошейник рабыни.

Солнце вытопило из нежной кожи лишнюю воду, но фигура еще сохраняла плавную округлость линий. Высокая грудь выделялась даже под мешковатой одеждой, а потрескавшиеся губы, хоть и небольшие, но полные, не привыкли сжиматься, сберегая дыхание.

Караван покинул Таэлит прошлой ночью. Значит, чужачка блуждает третью, не меньше. Не только глупая, но и везучая. Тоо редко доводилось видеть столько спокойных дней кряду, а первая же буря обычно становится для детей гор последней.

Шукиму понравилось, что путница посмотрела вопросительно прежде, чем смочить остатками воды край фарки и протереть лицо. Понравилось и то, что знала цену горсти воды, и то, что пыталась оставаться человеком.

Личико оказалось юным и довольно милым, если не считать шрама поперек брови. Демоны, изуродовавшие лицо тоо, оставили суровую метку и на чужачке. Чужачке, без всяких сомнений теперь. Слишком бледная кожа, слишком узкое лицо, слишком большие глаза, слишком гладкие волосы.

Да и рослая она для арашни – пожалуй, вровень или даже на палец выше самого Шукима.

– Как тебя зовут? – спросил тоо на диалекте северных народов.

Девушка поморщилась, словно страдала от головной боли, и протянула пустую флягу. И тут же отдернула руку – вожак, беспокойный от наседающей на пятки бури, хлестнул перед собой узким языком.

Тоо оглянулся, нахмурился. Если раньше он переживал, что караван не доберется до скал вовремя, то теперь был в этом абсолютно уверен. Пыль и песок настигнут их раньше, пусть даже на пятки наступает не шторм, что вонзает молнии в лицо пустыни и уносятся дальше на бешеных ветрах, а буря из тех, что едва движутся, за ночь засыпая города до высоты колена.

Мимо, кувыркаясь, проскакал кочевой куст альфиры. Чужачка проводила его взглядом, а Шуким поднял руку, подавая сигнал погонщикам. И, спрыгнув с широкой спины ящера, ухватил его за продетое в нос кольцо. Длинные шесты тянулись к седлу, позволяя наезднику управлять норовистой зверюгой на бегу, но, если тот сбросит седока, то может и не остановиться. И уцелеть под лапами ринувшейся за вожаком стаи шансов нет даже у тоо.

– Буря близко, – сказал он, не глядя на чужачку. – Во имя Харру, наш путь открыт для тебя в эту ночь.

Не обращая больше на нее внимания, Шуким развернулся

и направился к каравану.

Путница смотрела ему вслед, тяжело дыша. Капли воды застыли в уголках потрескавшихся губ, на висках остались грязные, похожие на дикарскую раскраску разводы. Она взглянула на сумку так, словно впервые увидела и, сорвав с плеча, отбросила в сторону. Даже от этого небольшого усилия чужачка устало пошатнулась.

Ветер не успокаивался уже ни на миг. Следы ящера на песке исчезли, уступив напору пыльной поземки.

Путница повернулась к каравану спиной, постояла, будто молилась или думала. Сделала нетвердый шаг, другой. Налетевший шквал толкнул ее в грудь. Попятившись, чужачка невольно обернулась и замерла, замороженная развернувшимся зрелищем.

Караван сошел с дороги в ложбину между двух высоких дюн, и огромные чешуйчатые зверюги цвета песка угрюмо брели по кругу. Они покорялись воле невысоких арахов, каждого из которых могли бы раздавить одной лапой.

Ящеры фыркали, трясли головами, пытаясь освободиться, но все же следовали за черным вожаком. Тоо вел его сам, не доверяя больше никому рисовать круг жизни. На предпоследнем цикле, когда разбросанный, темный песок поднялся до середины бедра, он заметил краем глаза чужачку. Она стояла рядом, закусив губу, и ждала, пока Шуким поймает ее взгляд.

Тоо отвернулся.

Когда круг был завершён, и ящеры улеглись в протоптанную канаву прямо вместе с поклажей, Шуким коротко махнул своей находке. Она сделала пару шагов и остановилась, не зная, как преодолеть валы.

Тоо цокнул языком, и вожак недовольно приподнял голову. Ещё один короткий приказ – и хвост ящера взвился в воздух, свернулся полукольцом, формируя шаткий мостик над канавой. На большее рассчитывать не стоило – если ящеры заняли лежку, то поднимутся лишь перед рассветом.

Губы чужачки дрогнули, но Шуким не разобрал слов. Скупой улыбнувшись, он протянул ей руку – загорелую до черноты, с короткими натруженными пальцами, равно привычными и к поводьям, и к писчей чешуе, и к гладким золотым книрам, которыми платят за хороших рабов.

Всю ночь чужачка провела без сна, скорчившись в кармане общего шатра. Дрожа даже под тяжёлым плетёным одеялом, которое ей выдал тоо, она лежала неподвижно, как мышка, заметившая перед собой тень пикирующего хашина.

И слушала. Слушала, как по натянутому брезенту сначала барабанит, а потом стекает песок. Слушала, как фыркают ящеры.

Слушала неторопливые разговоры караульных, едва различимые за воем бури.

Перед рассветом чужачка встала, приблизилась к занятому сборами тоо и неловко поклонилась.

– Меня зовут Аори, – произнесла она хриплым, высушенным пустыней голосом.

За спиной вожака Шуким поднял навес. Плотная ткань, белая с внешней стороны и черная изнутри, не пропускала ни единого лучика встающего позади каравана солнца. Вот только укрытие вышло крохотным, и чужачка не знала, как уместиться в нем целиком. Она то и дело ерзала, пытаясь держать в тени хотя бы шелушащиеся плечи.

Шуким, как и всегда, отвечал за жизнь каравана и каждого в нем. Потому, если чужачка вонзит нож в чью-то спину, это будет спина тоо. Короткий кинжал он прицепил к седлу, обходясь в пути двумя кривыми саблями, и вытащить его не составило бы труда даже для девчонки.

– Через два часа мы доберемся до убежища, – тоо повернулся к Аори. Седла караванщиков, высокие и гибкие, позволяли проделать такой фокус без риска свалиться под когтистые лапы собственного животного. – Привал до вечера, затем снова в путь.

– Я бы не успела дойти, – кивнула она. Спокойно, безэмоционально, словно чувства первыми умерли в удушающем зное.

Резкий акцент пытал чуткий слух тоо. Чужачка не ошибалась в словах, но выговаривала каждое по отдельности, напроць убивая осмысленную напевность речи.

– Харру ведает, зачем переплетает судьбы на Священном

пути, – Шуким сложил ладони и поклонился в две стороны, на юг и на север. – И проклят будет тот, кто пойдет против его воли. Но люди обычно не прочь поведать, что привело их к месту встречи.

Аори молчала, покачиваясь в такт крупной рыси ящера. Когда вожак подпрыгнул, преодолевая разлом между плит, она изо всех сил вцепилась в седельный ремень, чтобы не коснуться тоо.

Боевой шар на конце хвоста врезался в песок рядом с передней лапой ящера. Чужачка вскинула руку, закрываясь от взлетевшей пыли, а вожак на ходу выловил языком раздавленную тушку гадюки и зачавкал, довольный увеличением рациона.

Тоо не пошевелился.

– Однажды мне довелось видеть, как Харру закрывает рот тому, кто обязан был молчать. Он хотел говорить, о, он хотел! Плоти его касалось раскаленное железо, но все, что мог из себя выдавить несчастный – стоны, лишённые смысла, и для него, и для тех, кто слушал. Страх оказался слабее высшей воли. Но, если Харру не смотрит, страх может принудить к молчанию.

Он потянулся до хруста в мышцах и поправил складку куфии на плече.

– На закате пятого дня мой караван прибыл в Таэлит. Мы вошли в город с востока, тогда как семья друга моего прибыла с севера днем ранее. Всю зиму и весну он провел в пу-

ти, добравшись до диких земель и, что удастся не каждому, вернулся оттуда с хорошей добычей. В ночь, когда мои люди впервые преклонили головы на подушки вместо песка, брат был убит теми, кого ввел в город, теми, кто должен был принести богатство, но принес гибель.

Внешне задумчивый, спокойный, Шуким наблюдал за чужачкой, пытаюсь прочесть на необычном лице ответы на незаданные вопросы.

– Мы не караем за стремление к свободе, равно как за жажду, голод и прочие желания, данные нам Харру. Человек слаб, человек создан из страстей, и кощунством было бы наказывать природу. Но тот, кто принес смерть, первым вкусит ее дары. Почти никто из беглецов не успел выбраться из города, никто, кроме тех, кто бежал сразу, отбросив месть, и тем подтвердил право стать свободным человеком.

Аори скованно кивнула и втянула голову в плечи, прячась то ли от света, то ли от пронизательного взгляда тоо.

– Спрашиваю ли я, как оказалась ты на Священном пути? Нет, ибо ответ очевиден. Спрашиваю ли, сколько дней длилась дорога до Таэлита? Это неважно. Так же, как и то, где ты родилась, когда и как выучила мой язык. И, Аори, я не прошу награды за твое спасение. Харру не желал, чтобы ты умерла в тот день. Но наши пути разойдутся в убежище.

– Меня будут искать! – она подалась вперед с отчаянием на лице.

– О, нет. Тебя уже ищут. И чем, кроме свободы, ты мо-

жешь оплатить мою защиту?

Машинальным жестом Аори дотронулась до сережки в ухе. Тоо прищурился – насколько он видел, крохотный черный камень явно не был обычным угольком.

– Я умею драться.

На губы Шукима сама собой выползла кривая усмешка.

– Все демоны пустыни должны проклясть мой караван, чтобы мужчины в нем позабыли, как держать в руках оружие. Что-то иное?

Аори пожала плечами и отвела взгляд.

– Что ж, подумай. Вряд ли Леа-ки лишил тебя свободы потому, что хорошо сражалась.

– Его звали Нераим.

Она вовремя прикусила язык и не съязвила о том, что такое детское вранье едва ли тянет на испытание. Совершенно незачем подтверждать подозрения арахы, что находку стоит проверять.

Шуким снова коротко улыбнулся и развернулся на седле, на ходу подхватывая шесты.

Ящеры, недовольные ранним подъемом, нехотя переваливались с лапы на лапу. Тоо не слишком-то нагрузил их товарами, только на боках трех массивных ящеров в середине каравана покачивались клетки из выбеленной солнцем лозы. Аори пару раз замечала слабое движение за плетеными стенками, но зазоры были настолько мелкими, что не понять, что там. Животные? Кто способен выдержать долгий переход в

темной клетушке?

Прямо над караваном, будто наблюдая за ним, парил хищник. Аори еще не знала, как зовется птица с широкими крыльями, уверенно взбирающаяся по спирали в рыжее небо, но не сомневалась, что она рождена убивать.

Что видно с такой высоты? Дюны. Лик пустыни, шрамы на котором зарастают за считанные часы. Лицо старухи, морщинистое и недовольное. Лицо девушки, изменчивое и живое. И линией разделения – Священный путь, древняя дорога, которую песок никогда не замечает выше, чем на пару пальцев.

Единственное чудо выжженного мира. Не считать же чудом тонкую пылевую дымку, заменившую планете облака, или сухой, дерущий, как наждачка, воздух?

Тяжелые лапы ритмично ударяли по плитам пути, прохладным после долгой ночи, после бури, перевернувшей каждую песчинку девятьсот и еще девять раз. Когда солнце взберется по рыжему небосводу, караван остановится, укроется в тени убежища. У людей будет несколько часов, чтобы умыться раскаленным песком и подремать посреди изнуряющего зноя под боком у холодного, как камень на дне реки, ящера.

Насколько привычно для арахов, настолько же унижительно и противно для нее. Аори с отчаянием вспоминала о чистом, наполненном холодом и покоем море Фаита, в котором она так и не искупалась. Сейчас возможность нырнуть

в прохладную глубину казалась далекой, недоступной сказкой. Сном. А вот возможность больше никогда его не увидеть едва не сбылась вчера, когда будущая буря принялась размывать границу между небом и землей.

Но караван нашел Аори раньше, чем она смирилась с поражением. Ей дали воды, ее накормили, – то малое, что караван мог себе позволить потерять. С нее не потребовали платы. Но припасы не возникают из воздуха. И, если чужачка останется, уменьшится доля каждого араха.

Темнокожий тоо не настолько сентиментален или глуп, что, в целом, едино. Потому его караван и ходит семнадцатый год между Таэлитом и Ше-Бара, городом, в который не пускают изменяющих.

Птица резко завалилась на крыло, ушла вниз по широкой дуге, заметив что-то интересное. Аори проследила за ней взглядом, не в силах понять, как в раскаленной пустыне может существовать что-то живое. Хотя, впереди, за дюной, уже виднеется край скалистого отрога. Значит, недалеко и до убежища, и до воды, и до всех тех, кто без нее не может обходиться.

Дорога вильнула, описывая неполный круг. Древние, похоже, не совсем дружили то от с головой, то от с архитектурными мыслями в ней, раз каждый раз добавляли петлю перед незначительной сменой направления.

Караваны никогда не срезали Священный путь.

Песок внутри полукруга лежал идеально ровно, слов-

но вода на поверхности тишайшего омута. Аори, поежившись, внутренне согласилась с предусмотрительностью арахов. Один шаг – и тебя утянет внутрь. Песок сыто отрыгнет парой пузырей, и под рыжим небом снова раскинется безмятежная шершавая пленка.

Миновав поворот, ящеры двинулись дальше.

Теперь дюна не скрывала гряды от нетерпеливых взглядов. Там, впереди, – отдых. Там найдется достаточно чистой воды для людей, и еще больше – не такой чистой, но вполне пригодной для ящеров и омовения. Даже тоо, поддавшись общему настроению, лишний раз тронул шесты, понукая вожака. И, спустя пару секунд, осадил его, вызвав негодующий рев.

Над грядой поднимались жирные струи дыма. Так не горит древесина даарше, столь редкая, столь ценная, что святотатством было бы сжигать ее бездумно. Так не горит каменный уголь, привезенный в плотном мешке на боку ящера, с величайшим тщанием отмеренный и сложенный пирамидкой в одном из очагов убежища.

Так горит черное масло. Кровь земли, что взрывается от малейшей искры и насылает смерть на все, чего коснется.

Тоо поднял руку с двумя вытянутыми пальцами и отрывисто свистнул. Ящер в боевой выкладке тут же вырвался из строя. Их в караване было всего два или три – нагруженных выюками меньше прочих, но с щитками из многослойной кожи на морде, груди и боках. На концах хвостов сияли шипастые металлические шары. Шуким не пожалел бы золота

и на стальную броню, но тогда в первый же полдень караван обзаведется годовым запасом жареного мяса.

Обогнув вожака, ящер устремился вперед крупными неуклюжими скачками. Арах в белой накидке соскользнул с высокого седла, укрываясь за ним от возможной угрозы. В правой руке он сжимал короткое метательное копье, а левой вцепился в седельный ремень. Ящер высоко подкидывал зад при каждом скачке, но невысокий арах держался, как влитой.

Смуглые жители пустыни напоминали Аори детей. Даже, скорее, подростков в тот период, когда костяк резко вытянулся, а мышцы и жир за ним не успели. Вот и получилось что-то с длинными руками, ногами и непропорционально крупной головой.

Только лица с тонкой, как пергамент, кожей были совершенно не детскими. Черные глаза горели живым огнем под низкими бровями, губы то сжимались в узкую ленту, то изгибались в хитрой усмешке, то приоткрывались, чтобы выпустить звуки напевной речи. Чип может совершить чудо и научить словам незнакомого языка за одну ночь, но куда ему до этой чувственной гармонии...

Ящер поравнялся с первым скалистым гребнем, поднявшимся из песка, словно спина огромного каменного собрата. Арах придержал зверюгу и приподнялся, осматриваясь.

Никого, ничего. Он обернулся и вскинул левую руку, подавая сигнал каравану.

Не на пустом месте рождается буря. Не возникает она сама собой в небе – секунду назад еще ясном, а теперь затянутом тьмой с разрядами молний в напряженном, сухом воздухе.

Буря начинается с песчинки. С порыва ветра, сдувшем ее с бока дюны. Но найти смысл жизни, скажет тебе морщинистый арах, сжимая губами изжеванную трубку, так же легко, как и первую песчинку. Осталась ли она в начале пути, или добралась до самого его конца вместе с мириадами других?

Не найти и волну, с которой начинается шторм, хотя бы потому, что она умерла, коснувшись берега. Не сорвать цветков, первым поднявшийся в пустыне после зимы.

И столь же невозможно заметить первую искру. Она пробегает по тонкой нити, по вене, вычерченной каплями черного масла на песке. И только когда взрыв вздымает его фонтаном, ты понимаешь, что искра – была.

Но уже слишком поздно.

Визг обожженного ящера ввинтился в уши. Он встал на дыбы, колотя себя передними лапами по охваченной пламенем морде. Хвост хлестал из стороны в сторону, как бешеный, и шар на его конце бил по песку и плитам.

Арах не удержался на спине пляшущей рептилии и с воплем сорвался прямо в облако из песка и каменной крошки. Спустя несколько мгновений мерзкий хрустящий звук оборвал этот крик. Ополоумев от боли, ящер бросился вбок по пологому боку дюны, на ходу вспахивая песок объятый пла-

менем мордой.

Вожак взвыл громче собрата. Аори машинально схватилась за ремень, но ее тут же дернули вниз с такой силой, что пальцы соскользнули. Не успев сгруппироваться, она плашмя упала на песок. Рядом бухнулся ящер, спрятал морду под бронированной лапой. Жилистый, но, как выяснилось, невероятно сильный тоо прижался к его боку. Языки пламени отражались в двух изогнутых, как молодая луна, саблях.

Зло выплюнув пыль, Аори тряхнула головой и вскочила на корточки. Пригибаясь, она осторожно выглянула из-за навьюченных на вожака тюков.

По боку ящера тянулась длинная цепочка с свисающими вниз металлическими лепестками. Аори все удивлялась, зачем нужно такое украшение в пути. А сейчас, неожиданно, догадалась. Лепестки разбрасывали во все стороны яркие блики, ослепляя и мешая толком прицелиться в неосторожную чужачку.

Короткое метательное копьё ударилось о чешую рядом с ее лицом. Вывалилось оно довольно неспешно, и Аори успела разглядеть в железном наконечнике свои очень большие и очень круглые глаза.

Она рухнула обратно на песок, поплотнее прижалась к прохладному боку вожака и перевела взгляд на тоо.

– И что дальше?

– Когда эти дети змей осмелятся подойти ближе, они узнают вкус ше-барийской стали! – кровожадно пообещал Шу-

ким.

– А если нет? – прошипела Аори. – Будем сидеть и ждать, пока не попадут?

Еще одно копьё ударилось о седло у нее над головой и упало на песок. Аори тут же завладела сомнительным оружием, подбросила его на ладони, приравливая к весу. Совсем легонькое, такое далеко не метнешь, каким бы силачом ни был.

– Тогда солнце сделает работу за нас.

– На их месте я бы просто подожгла копьё, – буркнула Аори, рассматривая оружие.

А ведь это не дерево.

– Невозможно. Пламя охватит кость быстрее, чем отпустит держащая ее рука.

Она согнула копьё, пробуя на прочность. Древко тихо хрустнуло, и в распоряжении остались только два бесполезных обломка.

– А-а...

Аори тяжело выдохнула. Песок скрипел на зубах, и она немало отдала бы за глоток воды. Но то и не подумал выдать ей ни флягу, ни даже завалящую рубашку. Что встретилось на пути, то таким и остается... Хорошая оправдание, чтобы избежать неоправданных ничем, кроме человечности, трат.

Шуким, тем временем, выставил перед собой наискось одну из сабель, будто салютуя кому-то невидимому. Медленно, волосок за волоском, принялся он поднимать оружие, всмат-

риваясь в блестящую поверхность. Аори, не дыша, наблюдала за тоо.

Очередное копьё просвистело рядом с его запястьем, но Шуким даже не вздрогнул. Его спутница нервно дотронулась до сережки и отдернула руку. Это становится плохой привычкой.

Следующее оружие воткнулось в песок в двадцати шагах впереди.

Хм. Раньше они едва долетали.

Аори прислушалась к дрожанию потоков... хотя бы это ей еще удавалось. Уловив момент тишины, она высунулась из-за спины ящера, скорчив максимально зверское выражение лица, и тут же нырнула обратно. И, вскинув руку,хватила из воздуха прилетевшее оружие.

Шуким покосился на спутницу без особого восторга.

– В следующий раз они будут готовы, – предупредил он.

– Ага.

Аори бесстыже прижалась к тоо и заглянула в зеркало сабли. Как он что-то там различает? Кривоватые темные фигурки едва заметны среди рассекающих дюны теней.

Ноздри расширились, когда Аори вдохнула запах арахы. Солёный, горчащий, высушенный солнцем. Запах горячего тела, смешанный с дымом пылающего черного масла.

Шуким повернул голову и перехватил ее взгляд.

Магия без изменения.

Закусив губу, Аори перехватила копьё поудобнее. И тут

же вскрикнула от боли – пальцы тоо так впились в обожженное запястье, что на глаза навернулись слезы.

– Ты навлечешь проклятье на нас всех! – прошипел он.

– Что?!

– Нельзя первыми проливать кровь на Священном пути!

– А погонщик?! – возмутилась Аори.

– Его убил зверь, не человек.

– Прекрасно!

Она оскалилась и вырвала руку. На коже остались четыре алых полосы. Насупившись, Аори вновь прижалась к боку вожака.

– Прими разумом, когда не можешь душой. Это не твой мир, – продолжая удерживать поднятую вверх саблю, Шуким отложил вторую, закрыл рот краем куфий и сунул руку в карман.

Ох, тоо, ты даже не представляешь, насколько прав.

Аори невольно вздохнула. Бросив на нее короткий насмешливый взгляд, Шуким неожиданно подмигнул и, вытащив из кармана небольшой кулек, перебросил его через спину ящера.

Бабахнуло не так, чтоб сильно, но дорогу мгновенно заволокло едким серым дымом. Аори поперхнулась им, не готовая к такому повороту событий. Когда она, наконец, откашлялась и подняла голову, тоо уже не было рядом. А в потрескивание пламени и храп взволнованных ящеров вплелись звуки битвы – лязг сабель, вопли и протяжный вой уми-

рающих на раскаленном песке арахов.

Вожак крупно вздрагивал, одновременно порываясь броситься в бой и не смея нарушить приказ, и Аори поспешила отодвинуться, чтобы не попасть под шипастые лапы.

— Ах ты ж гад, — процедила она и, прокрутив копые в руке, нырнула в дымное облако.

Еще б разглядеть хоть что-то дальше пары шагов.

— Раз-два-три-четыре-пять, вышел грайси погулять, — пробормотала Аори, тщетно всматриваясь в муть.

И резко присела, пропуская над головой сверкающее лезвие. Обозначать свое присутствие явно не стоило. Вот забавно будет, если она ненароком подвернется под руку кому-то из караванщиков...

Разбойник в темной фарке проскочил мимо, избавив Аори от дальнейших сомнений. Враги сами позаботились о том, чтобы отличаться внешне.

Развернувшись, арах с воплем бросился на противницу, подняв саблю в высоком замахе. Аори и сама не поняла, как так вышло, но он напоролся на копые, как медведь на рогатину. Сабля выпала из мгновенно ослабших пальцев. Вцепившись в легкое древко, арах завалился на спину, вырвав копые из рук противницы. А она стояла, как дура, и смотрела на него пустыми глазами.

Не обращая внимания на доносящиеся со всех сторон вопли, Аори приблизилась на негнущихся ногах. Она попыталась вытащить копые, но арах цеплялся в него изо всех сил.

Напитанный дымом воздух не скрывал того, как темнеет песок под легким телом.

Пинок в спину швырнул Аори вперед. Пятка копья ударила под ребра, лишая дыхания, а древко еще глубже вошло в грудь разбойника.

Он выгнулся в последней судороге, разжал пальцы и умер.

Аори упала рядом, одновременно пытаясь вдохнуть и подняться. Второе даже удалось, но ей тут же подсекли ноги одним точным ударом.

И снова здравствуй, деликатесная пыль. Да сколько ж можно?!

Зарывав сквозь сжатые зубы, Аори перекатилась вбок, и сабля вонзилась не в мягкое, податливое тело, а в песок. Разбойникам дым мешал куда больше, чем подготовленным к подобным сюрпризам караванщикам – арах в темном растерянно замер, не понимая, куда делась светлокожая чужачка.

Аори не стала ждать, пока он проморгается. Напротив – набрала полную горсть песка и швырнула ее в сверкающие среди складок куфии глаза.

Противник заорал, вскинул свободную руку, пытаясь вытереть лицо широким рукавом.

Подхватив саблю погибшего араха, Аори всадила ее в прикрытый одной лишь тканью живот. Еще и провернула невесть откуда всплывшим движением.

Хотя, почему невесть откуда... И Тени, и Искатели учили не ранить, а убивать. Наверняка.

Арах согнулся, попятился, пытаясь вырвать оружие, но пальцы сорвались, оставляя на лезвии кровавые разводы. Сделав еще два шага, противник рухнул на колени. Он так и стоял, пошатываясь, пока Аори не ударила его ногой в грудь.

Песок плохо впитывает кровь, когда ее слишком много. К дыму примешался металлический запах, а еще – тошнотный дух вспоротых внутренностей. Стараясь не смотреть на араху, Аори на всякий случай отшвырнула ногой его саблю подальше и обернулась.

“Не мой мир... Изменение работает куда чище. А в эрге... в эрге я не видела тех, кого убивала.”

Будь в желудке хоть немного воды, Аори бы вырвало. Она кое-как проглотила вязкую, горькую слюну и оглянулась. Дым уже рассеивался под крепнувшими порывами ветра, и кое-где из песка проглядывали рыжие плиты пути.

Лязг оружия тоже почти утих. Все было кончено. С десятков безжизненных тел в темных фарках валялись на песке, неподалеку двое караванщиков склонились над стонущим другом. Тоо же нашел себе развлечение поинтереснее – сошелся в дуэли на саблях с таким же невысоким крепышом, то ли предводителем, то ли просто прекрасным бойцом, судя по тому, как стремительно и изящно тот двигался. Если Шукиму случится проиграть, его противник получит жизнь и свободу.

И не только он.

Не замеченный никем, между песчаных складок по ту сто-

рону дороги засел еще один разбойник. Он сжимал в руке копье, и шурился, пытаясь выбрать момент, когда тоо повернется спиной.

Главарь рывком ушел от очередного удара и прыгнул вбок, разрывая дистанцию между собой и Шукимом.

Аори попыталась было крикнуть, но дерущая горло пыль лишила ее голоса. Невнятный хрип каким-то чудом услышал только притаившийся арах. Он бросил на чужачку торжествующий взгляд и выпрямился, словно отпущенная пружина.

За оставшиеся доли секунды Аори успела сообразить, что копье летит поперек пути. Легкое, почти невесомое, воздух заметно его тормозит. Оно уже покинуло руки арах, и его убийство ничем тоо не поможет.

Ладони Аори вспотели, но она заставила себя выждать целую четверть вдоха прежде, чем раскрутила и швырнула вперед саблю.

Сияющий круг просвистел по правую руку от Шукима, отбив железный наконечник вместо того, чтобы разрубить древко. Аори прикусила губу – поспешила!

Но сабля, все же, выполнила свое предназначение. И даже перевыполнила. Ослепленный бликом, главарь вскинул руку, развернулся, готовый ответить на новую угрозу.

Тоо не пришлось просить дважды. Словно зверь, он прыгнул вперед.

Удар в живот согнул Аори пополам прежде, чем она успе-

ла увидеть, чем все кончилось. Ну да, с точки зрения друзей тоо чужачка только что пыталась его убить.

Она упала на колени, закрывая голову руками.

До ушей донесся вопль, истошный, предсмертный. Понять, кто его испустил, Аори не смогла. Но облегченно выдохнула, услышав властный окрик несколько секунд спустя.

Уже замахнувшийся арах с глазами необычного голубого цвета поспешно отступил за спины других караванщиков.

Аори подняла голову и встретила взгляд тоо.

– Там, – Шуким коротко дернул головой в сторону дюны через дорогу, по которой лихорадочно карабкался оставшийся разбойник. – Допросить.

Трое арахов, не сговариваясь, бросились вслед за беглецом, а голубоглазый подскочил к самому мелкому ящеру, отстегнул тюки и присоединился к погоне верхом.

Проводив их взглядом, Шуким протянул Аори широкую, перепачканную чужой кровью ладонь.

– Ты не врала мне, и ты сохранила мою жизнь. Демоны прокляли мой караван, но Харру благословил его вослед.

Аори едва сдержалась, чтобы не закатить глаза в ответ на этот поток красноречия. Нет вины тоо в том, что он впитал традиции с молоком матери... А, драные демоны!

Она кое-как поднялась, вцепившись в ладонь Шукима. Бок болел немилосердно, и, кажется, тоо это заметил. Двумя пальцами он осторожно отвел в сторону край фарки.

Вот куда делась рубашка. Талию чужачки закрывала по-

вязка из грубой ткани, и на ней посреди старых бурых пятен понемногу проступало алое.

Тоо до хруста сжал зубы. Что может быть хуже долга крови? Он избегал его всю жизнь, и встрял так глупо и нелепо, с девчонкой, с чужачкой! Друг как знал, куда бить...

– Всем заняться делом! – рявкнул тоо, опустив руку и отвернувшись от Аори.

Оценив ярость в его глазах, караванщики бросились врассыпную – поднимать и успокаивать упирающихся ящеров, перевязывать раны, собирать тела и оружие, оставленные нападающими, и подсчитывать собственные потери.

Если не считать раздавленного погонщика, они, можно сказать, отделались испугом. Даже тот арах, что стонал на песке с распоротой грудью, наверняка переживет эту ночь. Насколько Аори могла судить, у действительно умирающих людей не достанет сил безостановочно сотрясать воздух цветистыми проклятиями.

Непонятно только, что так разозлило тоо.

Чужачка сделала было шаг к звенящему металлическими лепестками жожаку, но Шуким схватил ее за руку и рявкнул так, что половина каравана обернулась в их сторону.

– Дафа! Где тебя духи носят?

Арах, занимавшийся раненым, поднялся и неспешно подошел. Аори видела его раньше на одном из ящеров, тащивших корзины. Такой же невысокий, как и все его собратья, но коренастый, широкоплечий и широкобедрый. Над верх-

ней губой виднелись две тонких полоски усов – мальчишечьих, из тонких пушковых волос. Впрочем, жители пустыни в принципе не могли похвастаться роскошной растительностью на лице.

Сапоги араха оставляли в песке глубокие следы.

– Я выполняю свою работу, тоо, – негромко ответил он.

– Займись, – Шуким бесцеремонно подтолкнул Аори к араху. – Надеюсь, родники целы.

Глубокое, идеально круглое озерцо пряталось в тени отвесных скал даже в полдень. У дальнего края гряды рассекала узкая расщелина, мутная вода перекачивалась через ее край и разбивалась на мелкие брызги парой уступов ниже.

Из каждой щели торчали жесткие, практически лишенные листьев кусты тавуки, едва ли не единственного растения, неплохо прижившегося в пустыне. Поднимаясь по выющейся между скал тропинке, Дафа насобирав полную охапку сушняка и выложил его кругом у самой кромки воды. Сбросив с плеча объемистый баул, арах вытащил из его недр три небольших куска угля и благоговейно, как высочайшую ценность, опустил их в середину будущего костра.

Два черных камня появились в руках Дафы, словно по волшебству. Он яростно зачиркал одним о другой, рассыпая вокруг трескучие искры. И, когда от веток поднялся первый слабый дымок, сноровисто встал на колени и подул на зарождающийся огонь.

Костер вспыхнул мгновенно. Удовлетворенно выдохнув, Дафа выпрямился.

Аори стояла рядом, рассматривая темную водную глубину. У самого берега покачивалось маслянистое пятно, и немногословный арах предостерегающе поднял руку. Не спеши, мол.

Следующей из баула появилась длинная темная тряпка, в которой Аори не без замешательства опознала кусок разбойничьей фарки. И когда он только успел?

Расправив ткань, арах осторожно опустил ее на водную поверхность рядом с пятном. И, шумно выдохнув, одним быстрым движением собрал масло.

Тряпка полетела напрямик в костер. Пламя сначала зашипело, прихлопнутое мокрой тканью, но тут же набросилось на неожиданное угощение.

– Раздевайся, – безапелляционная команда оторвала Аори от созерцания выющихся огненных языков.

– Что?!

– Раздевайся, говорю. Времени мало. Или собираешься до Ше-Бара вонючкой ходить?

Аори невольно попятилась. Ей буквально дар речи отказал – насколько бы ни были поверхностными знания о культуре арахов, подобный приказ не вписывался в нее ни на волосок!

Но прежде, чем Аори смогла извлечь из себя хоть какие-то звуки, кроме невнятного мычания, Дафа принялся расстегивать

вать собственную короткую фарку. Вслед за ней на камень полетели шаровары. Длинная рубашка закрывала бедра, но оставляла на виду ноги араха, искривленные годами, проведенными в высоком седле.

Не отрывая взгляда от Дафы, Аори отступила еще на несколько шагов.

– Что столбом застыла? А то я не вижу, что ты уже знала мужчину.

Странно, но в хриплом голосе араха звучало только ворчливое недовольство, а уж никак не вождение. Он присел у баула, выудил из него по очереди кусок мыла, несколько чистых тряпок и отблескивающий металлический короб. Все это барахло Дафа сложил на плоском камне между костром и кромкой воды и, бросив на чужачку очередной сердитый взгляд, потянул рубашку через голову.

И, когда одежда упала на камень, ошарашенная Аори рассмотрела... конечно же, грудь. И все остальное, неопровержимо подтверждающее, что в караване Шукима идут не только мужчины. Надо же... Арашни-погонщик!

Аори не сдержала нервный смешок. На что угодно можно спорить, Дафа нарочно себя так вела, чтобы посмотреть на испуг чужачки.

Она запуталась сначала в костяных застёжках фарки, потом – в обвившихся вокруг ног шароварах. Бинты присохли к коже, так что Аори вошла в воду прямо в них. Воздух касался тела жаркими сухими ладонями, и она невольно жда-

ла, что вода окажется теплой и густой, словно суп.

Ступни обожгло холодом. Разгоряченное зноем, тело отнеслось к идее купания абсолютно отрицательно, но Аори засунула его мнение куда подальше. Прошло время ванн с розовой пеной, и только от нее зависит, наступит ли снова. А сейчас абсолютно прекрасно хотя бы то, что можно смыть с себя пот и чужую кровь, испятнавшую руки.

Вздрагивая и оступаясь, Аори зашла в воду по пояс, набрала пригоршню бурой глинистой воды, плеснула на плечо. Провела по нему кончиками пальцев, стирая пыль. Еще раз и еще, не замечая насмешливого взгляда арашни.

Вода перекатывалась через край озера, унося прочь грязь и усталость. И пусть в этот раз в ней не было ни капли магии, но память услужливо подсунула воспоминание о том, как чужие бережные руки касались ее тела, убирая все ненужное.

Xandria. The Sailor and the Sea.

2.

Аори разбудил свет и знакомое насмешливое фырканье, но вместо того, чтобы открыть глаза, она зажмурилась по- сильнее. Совсем скоро придется принять ложь, ту или иную. Скоро. Но не сейчас. Не в эту секунду.

– Милая, мне очень интересно, как долго ты сможешь пролежать, не шелохнувшись. Час? Десять минут? Но неужели тебе не интересно, что будет потом?

Вздохнув, Аори подняла веки.

Изменяющая лежала на небольшом диване, небольшом настолько, что ей пришлось свернуться калачиком. Ноги затекли в неудобной позе, но, в целом, Аори чувствовала себя неплохо отдохнувшей. Ничего не болело, удивительно, если вспомнить, почему она отключилась.

Напротив дивана тускло светился торшер, и цепочка под плафоном все еще слабо раскачивалась. Но пепельница на столике под ним была наполовину заполнена, как окурками, так и распотрошенными сигаретами. Будто кто-то уже давно расположился в глубоком кресле позади освещенного круга и вынимает их из пачки одну за другой, лишь бы убить время.

Аори напряженно прищурилась, всматриваясь в темноту. И та, что сидела там, положив ногу на ногу, глубоко затяну-

лась, позволяя рыжему огоньку ненадолго осветить лицо.

– Сиэ...

– Умгум, – дотянувшись до пепельницы, она раздавила недокуренную сигарету. – Ты изменилась. Прежняя бросилась бы мне на шею, визжа от радости.

Аори медленно села на диванчике, опустила ноги и оперлась локтями на колени.

– Действительно, – она не удержалась от кривой усмешки. – Изменилась. Приняла изменение.

– И потребовала объяснений.

Платье-рубашка с длинным рядом мелких пуговиц опускалось почти до колен Сиэ. Тонкая ступня, переходящая в такую же изящную лодыжку, осталась единственной частью измененной в поле зрения Аори.

– Зачем? Все и так ясно, и...

– М-м?

– И скучно. Кто он?

– Командир базы, – Сиэ принялась размеренно постукивать пальцами по подлокотнику.

– Польщена, но я не про это. Что он такое?

– А ты не посмотрела? Ну даешь... Кого бы ты ни встретила, пусть даже после пятиминутного перерыва, всегда осматривай истинным зрением. Всегда. Такая привычка спасет тебе жизнь.

Аори насмешливо посмотрела на измененную из-под приподнятой брови. Именно так, как приказали.

Да, это и впрямь Сизэ. Не кто-то еще в ее облике, не иллюзия, не голограмма.

– И что я должна была сделать? Умереть? Или понять, что никто меня не собирается убивать, и сложить лапки?

– Выбрать тактику получше, вообще-то. Тавир... Он или исключение из правила про то, что измениться можно только в реальное существо, или подтверждение, что все расы, во всех мирах, когда-то имели общие корни. Он майд-полукровка.

– Не может быть! – воскликнула Аори, не в силах поверить в подобную чушь.

Сизэ едва заметно улыбнулась.

– Не может, но почему-то есть. Он впитывает энергию из всего живого, любые активные потоки. Ты была удивительно близка к тому, чтобы убить его тем, в чем потоки отсутствуют.

– Как интересно... В следующий раз учту.

Перестук пальцев по подлокотнику участился.

– В следующий раз Тавир воспользуется изменением. И, какой бы замечательной ты не была, милая, тебе с ним не тягаться.

– А с тобой?

– Со мной? – удивилась Сизэ. – Зачем?

Губы Аори горько искривились. Она поднялась с диванчика, рассматривая измененную сверху вниз.

– Кто-то же призвал демонов с Грани. А я знаю только

одного Искателя со специализацией некромантии.

– Не только. Еще исцеления, – она сделала небольшую паузу, чтобы Аори поняла, наконец, кому обязана самочувствием. – И технологии, если помнишь. Не самое полезное умение для Мишруми.

Сизэ, наконец, подняла голову, но в тени не разобрать было, что именно живет в рыжих глазах. Насмешка? Сочувствие? Равнодушие?

– Ну да, а на Астраль вернуться нельзя, ты же там умерла. Вроде как.

– Вроде как? – шепот измененной утратил краски.

– Разлетелась на искры! – Аори уже почти кричала. – Ты могла дать знать... хотя бы присниться! Пусть даже не рассказать про мой дар... плевать. Но... но...

Голос сорвался. Она прикусила губу и отвернулась.

Сизэ тоже встала, взяла Аори за плечо, заглянула в лицо.

Ни слезинки.

– Нет никакого “вроде как”, милая, – негромко сказала измененная. – Меня в самом деле казнили. Вычеркнули из всех миров, кроме Мишруми... Я родилась здесь. Когда-то. На Грани я лишена дара, а если попробую перейти в другой мир, то исчезну. Навсегда.

– Какая трагическая история, – пробормотала Аори, пожившись. Волны озноба пробежали по телу одна за другой, покрывая кожу мурашками.

Отпустив ее, Сизэ закатала рукав. Ломаная черная татуи-

ровка ярко выделялась на светлой коже.

– Так выглядит заблокированное подключение. Частички обсидиана растворяют в краске, и тщательно перекрывают прежний узор. Если ошибиться, можно искалечить чужой дар. Но Тавир не ошибается.

Она опустила рукав обратно и посмотрела на подругу с легким кошачьим прищуром.

– Кстати, ты знаешь, что разговариваешь во сне?

– Что? Я?!

– Ну не я же... По крайней мере, мне не рассказывали.

– Подумаешь, – неподдельно смутилась Аори.

Измененная неодобрительно покачала головой.

– Это очень плохо для изменяющей, милая. Отправляй сознание в приграничье, если не уверена на сто процентов, что тебя некому подслушать. Ладно Мишруми, тут еще скрытых микрофонов не придумали... Но на Астрали ты в безопасности разве что в Арканиуме или своем Доме.

Аори криво усмехнулась и обняла себя за плечи, чтобы как-то сдержать дрожь. Неужели Сие не холодно в одной рубашке?

– К сожалению, история про счастливую семью вышла короткой и не очень-то счастливой.

– Почему?

– Потому, что я единственная наивно верила, что эрги возьмут и уничтожат, ничего не припрятав. – Аори пристально посмотрела Сие в глаза. – Так ведь?

Та кивнула.

– Так. Но не переоценивай свою роль. С тобой, без тебя, маги и люди справились бы.

– Тогда зачем было обманывать?!

– Чтобы ты не натворила глупостей, – мягко ответила Сиэ и неожиданно одним быстрым движением обняла Аори, прижала к себе так, чтоб та не могла вырваться. – Чтобы было хоть какое-то оправдание для королевского совета, почему ты не осталась в тюрьме.

– Ты тогда пришла за мной, – пробормотала изменяющая, напряженная, как струна. – Помнишь, что сказала?

– Э...

– Что я сама храню свою честь. Словами и действиями.

– У тебя внезапно прорезалась хорошая память? – фыркнула Сиэ.

Аори почувствовала, как виска коснулось прохладное дыхание.

– А еще сказала, что надо теплее одеваться. Даже это не получилось, бр-р...

– Да, я знаю.

В глубоком, чувственном голосе Сиэ появились новые нотки. Чуть сочувствия, чуть укоризны. И, почему-то... нежность.

Аори чуть отстранилась, заглядывая в лицо подруге. О чем это она?

– Пойдем, – вздохнув, измененная разомкнула объятия. –

Нужно вывести из тебя остатки всякой дряни.

Ах вот, о чем.

— Куда пойдем?

— В душ, — Сиэ мягко подтолкнула ее к двери. — Все, что можно было убрать бесследно, я уже убрала. С остальным организм должен справиться сам. Не самый приятный процесс, но...

— Сама виновата, да?

— Вообще-то, да. Не понимаю, почему Ликсирэ тобой не занялась. Как бы там ни было, она обязана заботиться о своих подопечных.

— Думаю, тут больше исключения, чем правила.

Измененная криво усмехнулась и щелкнула переключателем.

Аори невольно зажмурилась — после полумрака в... кабинете? гостиной? В общем, после прежнего полумрака яркий свет ослеплял.

Она осторожно приоткрыла глаза.

Никаких тебе бочек или там мраморных бассейнов в полу. Мелкая разноцветная плитка повсюду, разве что душевая за деревянной раздвижной перегородкой размерами напоминают полноценную комнату. Вырезанные в отдельных планках узоры изображали деревья, птиц, зверей... ничего необычного, ничего такого, что помогло бы поверить, что ты в совершенно ином мире.

Аори разочарованно вздохнула. На Астрали, рассматри-

вая изображения базы Искателей, он едва не пищала от восторга – настоящий замок, мрачный, черный, с высокими остроконечными башнями, с толстыми каменными стенами, способными выдержать удар любой силы, с шипастой решеткой, перекрывающей арку прохода. Каменный мост упирался в нее одним концом, высокой дугой поднимался над пропастью и снова опускался у уходящего в лес тракта. Столетние сосны сцепились друг с другом синими иглами в руку длиной, и отвесные скалы еще несли на себе следы изменения.

И вот, значит, в такой романтической обстановке, в таком замечательном месте поспешили на дизайнера и отделочные материалы. Обидно. Хотя, учитывая энергетические затраты на перемещение объектов через Грань, проще было бы намыть золота на месте и выстроить замок из него исключительно.

И обязать каждого носить с собой ложечку, чтобы сэкономить на звонке. И еще чтоб ритмы выучили разные, и отстукивать по стенам...

Аори фыркнула, представив себе ежевечернюю литургию с Тавиром в качестве дирижера.

- Раздевайся. Это тряпье теперь только выбросить.
- Да уж, твои демоны не церемонились.
- “Моих демонов” был ровно один. Остальные – мороки Тавира. Мы догадывались, что в таком состоянии ты не отличишь одно от другого.

Измененная оперлась спиной на разноцветные квадраты и сложила руки на груди.

– Погоди... – обмерла Аори. – То есть, он знал? И ты? Но откуда?

Она застыла в расстегнутой наполовину рубашке.

– От твоего куратора, конечно. Он так забавно посыпал голову пеплом...

– Что? Зачем?

Картинка золотого замка сменилась Мароном, удобряющим и без того нескудную растительность на голове. Или это было от вшей? И потом бриться надо, вроде бы, но Аори ни разу не застала куратора лысым и покусанным... По крайней мере, в реальности.

– В переносном смысле, балда, – разрушила все самые интересные теории Сизэ. – Сокрушался, что не уследил. Ну, долго тебя ждать?

– Сейчас...

Оставшись в одних трусиках, Аори коснулась теплого дерева перегородки. Она оказалась неожиданно тяжелой, и ей пришлось ухватиться за край двумя руками, чтобы попасть в душевую. И от небольшого, в общем-то, усилия тут же закружилась голова и на несколько секунд потемнело в глазах.

Ладонь Аори соскользнула, когда она судорожно схватилась за плитку.

– Осторожно, – Сизэ вовремя подхватила подругу. – В порядке? Стоишь?

– Угу.

Когда в глазах прояснилось, Аори со вздохом выпрямилась. Все самое неприятное только предстоит, если вспомнить занятия по изменению живого.

Невесть почему, но посвятить новоявленную изменяющую в основы доверили Люс. Может, потому, что это была ее специализация, ее призвание? И ее любовь. Неистовая, пересекающая все границы разумного, свойственная настоящим исследователям... Искателям.

Глаза Люс горели. Она то и дело порывалась схватить Аори за руки, подтянуть поближе, чтобы до ошарашенной подруги уж точно дошло все, что она услышит. Разделяющий их стол вздрагивал, когда в отдельных порывах энтузиазма изменяющая стучала по нему ладонью.

– В изменении живого столько направлений! Иллюзиарство, алхимия, управление, преобразование, восстановление, и это только основные... Ты как, любишь подчинять себе других, а?

– С чего ты взяла?

– Нет? Странно, – искренне удивилась Люс. – Тогда, может, изменять внешность?

– Я б начала со своей, – фыркнула Аори.

– Стань измененной для начала.

– А что самое сложное в изменении живого?

Люс ненадолго задумалась.

– Восстановление. Это не временное изменение, когда ре-

зультат исчезает, стоит тебе отпустить поток. Даже не преобразование, когда ты его закрепляешь, потратив куда больше сил.

– А в чем разница?

– Тебе надо вернуть что-то к прежнему состоянию, а не перевести в новое. У тебя нет свободы, и ошибиться тоже нельзя. Ты запускаешь время вспять, еще и в ускоренной перемотке, и это противоречит всем законам природы. Реальность сопротивляется, понимаешь?

– Э... наверное.

Аори немного покривила душой, и изменяющая поняла это. Она недовольно скривила губы и оперлась на локти так, что едва ли не уперлась носом в нос подруги. Та едва сдержалась, чтобы не отшатнуться.

– Хорошо, если объект может тебе помочь. Куда хуже, если там сознание потерял, и совсем-совсем плохо, если связан обрядами. Они очень сильно закрепляют реальность. Например... королева-мать!

– Феррия?

– Да нет, прошлая. Не помню, как ее там звали. Это ж королевский род, квинтэссенция реальности, изменяющие не могут с ними ничего сделать против их воли... или без нее. Ну, разве что убить.

Люс гадко хихикнула.

– Неужели она была против?

Аори поразилась не столько даже самому факту, сколько

тому, что подруга хоть что-то знает о прошлом Астрали.

– Ну, до какого-то момента, может, и не была. А потом стало слишком больно.

Жестокий смех Люс все еще звучал в голове.

Изменяющей из разрушенного мира хотелось насмешничать над чужой глупостью, чужой слабостью. Хотелось думать, что все случилось именно так. Люс не могла поверить, что королева сознательно отдала свою жизнь, чтобы появился Реодор.

Восстановление – это путь назад. Невозможный для того, кого еще нет.

Сиэ коснулась одной из разноцветных плиток, и сверху посыпалась водная морось. Мелкая и густая, она мгновенно покрыла кожу каплями. Легкий травяной запах поплыл в воздухе, и спустя несколько секунд Аори привыкла к нему, перестала различать.

Как и ко многому другому. Все, что при первой встрече казалось удивительным, ярким, нужным, слилось в монотонную серую реальность, неотличимую от Грани.

Рубашка Сиэ намокла, облепила тело, но, похоже, измененную это ничуть не беспокоило. Она задвинула перегородку – запоздало, пол уже покрылся скользким налетом – и повернулась к Аори. Без лишних слов Сиэ развернула подругу, прижала одну ладонь к ключицам над энергетическим центром, вторую – к спине на той же высоте.

– Если расскажешь, что с тобой случилось, мне будет про-

ще. Только, умоляю, избавь меня от размышлений о судьбах мира. То, что пробивалось даже через плиор. То, что существует в реальности.

Пусть уж лучше все закончится побыстрее... Измененной нужны ее собственные воспоминания, собственные чувства, чтобы нащупать дорожку.

Чуткие пальцы едва заметно дрожали, касаясь потоков. Нежно и бережно, едва ощутимо. У Аори так никогда бы не получилось.

– То, что в реальности... Про Лейта ты знаешь, значит, знаешь и про Тройна.

– Угу. И остальные официальные данные из досье до того момента, как он не справился с управлением.

– Неправда! – возмутилась Аори. – Он...

– Милая, официальные данные! – прикрикнула на нее Сизэ. – Конечно, неправда, но необязательно кричать об этом на каждом углу. Что случилось потом?

– Потом нас выпихнули в Фаит на неделю, – буркнула Аори. – И там какого-то демона нарисовался Реодор, а Феррия не придумала ничего лучше, как отключить защиту резиденции в тот момент, как на него напали демоны.

– Сильно. На Астрали новый король?

Пар попал в легкие, и Аори глубоко, тяжело закашлялась. Отдышаться и ответить она смогла только минуту спустя.

– Нет. Мы с Лейтом вовремя добрались до Реодора и сбежали все вместе. Как раз потренировалась изменять... Ко-

гда вернулись в Астраль, меня отправили учиться в группу и лично с Мароном... Ты его знаешь?

– Знаю, – в низком голосе появились мурлыкающие нотки. – Он один из тех, кто категорически настаивал на моей казни.

– Кхе... Потом начался Прорыв, и во время него на Астраль пролез древний мимик. Он устроил себе логово на заброшенной станции, и ему помогал один из студентов моей группы. Они схватили Люс, а я, как дура, поперлась с Россом ее выручать. Я думала, что смогу хоть раз сделать что-то настоящее. То, к чему меня не привели с завязанными глазами. Я отправилась за ней в приграничье, и я сдалась. И показала Люс, как сдаться.

– Как ты выбралась? – Сиэ мотнула головой, отбрасывая назад влажные волосы.

– Я узнала мимику. Когда я пыталась выбраться с Грани, Веррейн рассказывал мне про свою жену. Это была она. Я позвала, и он пришел, но слишком поздно. Люс... Может, и она где-то жива? Ты же...

– Прости, милая, – Сиэ ненадолго прижалась лбом к ее затылку. – Не было никакого чуда.

– Я знаю, – Аори опустила голову. – Знаю...

– Ты отправилась за ней с Россетом. Почему?

Пальцы измененной стали жесткими, даже жестокими, кожа горела настолько, что Аори чувствовала каждую упавшую на нее каплю.

– Я... Я сама хотела бы забыть о том, кем стала. А он был рядом... той ночью он учил меня управлять особенностью. Как профессор учил бы дебила вычитанию. Но это была очень... э... прикладная математика.

– Серьезно? – Сие настолько изумилась, что отпустила потоки. Ну вот, теперь все сначала. – Ты затащила в кровать Россета?

Аори попыталась было взглянуть в наглые рыжие глаза, но легкий шлепок по плечу развернул ее обратно.

– Я никого никуда не тащила!

– Тогда я совсем ничего не понимаю. Он пятнадцать лет посылал изменяющих в известном направлении. Что должно было случиться?

– Может, я первая, кому ничего от него не надо?

Сие громко фыркнула, выражая свое мнение по данному вопросу.

– Может, ты первая, от кого что-то надо ему?

Аори с трудом выдохнула сквозь сцепленные зубы. Слова измененной отозвались самой настоящей физической болью – словно кинжал ударил под ключицы. Хорошо, когда есть возможность сравнивать.

– О чем его договор?

– Ты меня поражаешь, – вздохнула Сие и опустила руки. Можно и самой передохнуть немного, и дать возможность прийти в себя подопечной. – Имея доступ к самой полной базе знаний, ты не можешь потратить минуту и выяснить, с

кем спишь. Про пять секунд на сканирование я уже говорила?

– Ну Сиэ! Мне сейчас на Астраль к компьютеру смотреться?

– Хотела бы я на это посмотреть! У Акосов хранился артефакт времен Пробуждения. Россет поссорился с Главой, решил, что магическая погремушка станет решающим аргументом в конфликте отцов и детей... Вот только папенька не успел пояснить, что артефакт активирует не огненный дождь, а договор. Отныне и навечно кто-то из Акосов будет служить Арканиуму. Россет добровольно стал первым, когда понял, что натворил.

– Владыка может отменить договор.

– Тот, что заключал сам. Но не настолько древний и трехсторонний.

– Арканиум, Акос и ...

– Мелинхар, кто ж еще. – Сиэ едва успела подхватить потерявшую равновесие подругу. – Ну вот что ты прыгаешь? Хочешь-таки свалиться?

– Он ни о чем меня не просил, – с мольбой в голосе пробормотала Аори.

– Насмешила!

– Да не Мелинхар! Росс.

Измененная иронично посмотрела на подопечную. Тыльной стороной ладони она вытерла воду с лица и стряхнула на пол.

– А чем ты ему можешь помочь? И давай не отвлекаться. Повернись. С теми, что были после, ты совсем ничего не чувствовала?

– А их и не было.

– Не хотелось?

– Ни капельки. – Аори пожала плечами. – С Россом тоже. Но мне нужно было переступить через эту... плохую память.

– Он не переживет такого откровения, – с убийственным сарказмом прокомментировала Сиэ и прикоснулась кончиками пальцев к плечам подруги. – Совсем плохо?

– Ты не поняла. Телу – конечно, хорошо. А душе все равно. Но он научил меня пользоваться особенностью, хоть она и маленькая совсем. И... с ним мне впервые стало спокойно.

Аори закрыла глаза, сосредоточилась на прикосновениях. Вверх-вниз по плечам, спине, животу. Болезненные, саднящие. Вслед за ними на коже проступал холодный пот, смешивался с водой и тонкими струйками стекал по ногам.

Волны изменения накатывали одна за другой. Сиэ поймала нужный ритм, и все, что оставалось Аори – не мешать. И терпеть.

– Быстро не получится, – измененная прочла ее мысли. – Слишком много времени прошло.

– Мне ужасно тебя не хватало. Если бы я только знала, что ты где-то есть!

– Я всегда где-то есть, – усмехнулась Сиэ и коснулась центра в животе Аори. Та застонала – переплетенные потоки

звенели от напряжения.

– Ты же будешь меня учить? – выдавила кое-как изменяющая, сражаясь с накатившей тошнотой.

– Со всей строгостью. Выпрямись!

Еще один шлепок, на этот раз – по более мягкому месту.

Аори с трудом разогнулась.

– Мне плохо...

– Милая, я знаю. Если можешь, расскажи про Лейта. Тогда будет легче.

– Легче? – Аори нервно рассмеялась.

– Только не ври. Мне не нужна особенность, чтобы почувствовать, что ты все еще его любишь.

– Предать можно только того, кто доверяет, – она оперлась о стену, чтобы не упасть. – Это не я придумала, это Лексаз сказал. Того, кто верит. Я почти сошла с ума от счастья. Я чувствовала его с другого конца города, я исчезала, когда он был рядом. Я думала, что мир стал другим и я наконец-то буду счастлива. Этот обряд связал нас, заставил чувствовать то, чего нет на самом деле.

– Милая, ни один обряд на такое не способен.

Аори даже не замечала, что из ее глаз катятся слезы. А если бы заметила – всегда есть оправдание, когда внутри тебя копошится клубок огненных змей.

– Но я видела только часть картинки. А потом... Пистолет. Сканер. Все это время он обманывал меня. Даже тогда, когда мог рассказать. Объяснить. Попросить понять. А

я узнала сама, и Ликсирэ готова была убить меня, если не уйду.

– Ты понимаешь, что никто бы тебя не убил?

– Я ушла. Я не хочу искать оправдания, почему не нужна Главе.

Жар в теле понемногу утих, оставляя после себя слабость и дрожь.

– Все, – вздохнула Сие и снова коснулась сенсора.

Водяной пар разбился на мелкие струи.

– Я уже и забыла, как это больно, – Аори шмыгнула носом и вытерла глаза свободной ладонью. – У тебя есть мочалка? Шампунь?

– Прямо перед тобой, – Сие посмотрела, как подругу моет туда-сюда, вздохнула и отобрала у нее искомое. – Дай сюда. Я помогу.

Бледно-фиолетовая пена пахла лавандой. Она казалась теплой наощупь, она мягко опускалась по телу, забирая с собой грязь и усталость. Было бы славно выйти из нее, словно родившись заново. Очищенной, невесомой, непорочной. Вот только выйдет все та же изменяющая, и нет такого средства, чтобы вымыть с ним душу.

Может, и не надо.

– Сие, ну вот что ты делаешь?

– Немного лишнее... – Измененная с легким смешком отодвинулась. – Ну вот зачем тебе понадобился плиор, милая? Ты намного лучше и чище без него.

Самой Сизэ тоже душ не помешал бы. Мокрая рубашка покрылась разноцветными пятнами, сбилась неровными складками, волосы облепили спину и лицо.

Проследив за взглядом подруги, измененная хмыкнула и принялась раздеваться.

– Чего ты боишься? – негромко спросила она, расстегивая пуговицы одну за другой.

Аори едва расслышала вопрос за шумом воды. И у нее уже не было сил на то, чтобы придумать достойный ответ, хотя и дрожь, и слабость отступили, стертые бережными прикосновениями измененной.

– Снова тебя потерять.

– Не потеряешь. Вытирайся, халат на полке. Если разберешься с кухней, можешь сделать нам кофе. Мне минут десять надо...

– Я помогу?

Сизэ медленно подняла на нее взгляд и поймала едва заметную улыбку. Аори шагнула к подруге и, расстегнув оставшиеся пуговицы, положила ладони на горячие даже под мокрой тканью плечи.

– Я не должна была верить. – Улыбка стала ярче, но, вместе с тем, в голосе явственно проступила горечь. – В тебе слишком много огня, чтобы так исчезнуть. Слишком много жизни. И мне сейчас очень нужно что-то живое... и теплое, если можно.

Они рассмеялись вдвоем, и Аори помогла Сизэ избавиться

от липнувшей к телу рубашки. Измененная приложила ладонь к щеке подруги, бережно коснулась ее губ своими. И, чуть отстранившись, заглянула в глаза.

– Мне было проще, – спокойно, твердо сказала Сиэ. – Я знала, что снова тебя увижу. Если буду верить и ждать.

Ее голос согревал не меньше, чем объятия.

– Почему тогда ты прощалась, словно навсегда?

– Никто не потрудился сообщить, что казнь – не окончательная. Я пришла в себя на столе в подвале, и Тавир заканчивал работать с татуировкой. Вот уж где было холодно... Оникс закрепляется примерно сутки.

Наверное, Сиэ умела передавать мыслеобразы и в реальности. Иначе как еще Аори смогла на мгновение увидеть, словно она сама лежит на жестком, ледяном металле, прикованная так, что и не пошевелиться. И смотрит, смотрит, как на руке роятся живые крошки оникса, как поглощают последние золотистые искры.

– Пойдем, – не обращая внимания на текущую с тела воду, Сиэ отодвинула загородку, подхватила с полки полотенце и набросила его на плечи подруге.

– А как же твои десять минут?

– Пф!

Черты измененной на мгновение размылись. Когда потоки снова замерли, Сиэ раздраженно смахнула с лица прядь распушившихся волос.

– Ух ты...

– Не насмотрелась на похожие фокусы в Арканиуме? – подруга щелкнула Аори по носу.

– Я же говорила, что не общалась с измененными настолько близко.

– Да-а, – насмешливо протянула Сизэ. – Не за такой Арканиум мы воевали.

– С кем?

Подруга выразительно прищурилась вместо ответа. Мало ли войн...

– Не понимаю, – пробормотала Аори. И, вспомнив, наконец, про полотенце, прижала его к лицу.

Теплое, пушистое. Домашнее.

Измененной надоело стоять в углу, и она обошла подопечную, ненадолго обернувшись на пороге.

Когда Аори выбралась из ванной, Сизэ уже сидела на диванчике, поджав ноги, и раскуривала очередную сигарету. Пепельница сияла чистотой, а на коленях измененной невесты откуда возник темно-синий плед.

Она ничуть не смущалась наготы. А вот Аори, окинув взглядом бесконечную темную комнату, поспешила юркнуть под согретую теплом измененной ткань.

– Так чего ты не понимаешь? – спросила Сизэ, обняв ее за плечи.

Аори улыбнулась, любуясь открывшейся картиной. Полные груди с молочно-белой кожей и розовыми сосками ярко выделялись на синем фоне. Упавшая в ложбинку между ни-

ми прядь волос казалась настоящим золотом.

– Ты же измененная, – высвободив руку из-под пледа, Аори коснулась кончиками пальцев нежной, гладкой кожи. – Почему ты не хочешь быть мужчиной? Тем, что была раньше?

– У тебя же есть руки, – в тон ответила Сиэ и, запрокинув голову, выпустила клуб дыма в темноту. – Почему ты не таскаешь с собой тележку щебенки? Каждый день, каждый час.

– Ясно.

– Изменение себя – такая же работа, как и любое другое изменение. Я, конечно, пыталась поначалу.

– А потом поняла, что все равно рано или поздно придется привыкнуть, – задумчиво продолжила Аори, и Сиэ кивнула, подтверждая. – Жаль. Я хотела бы увидеть тебя настоящую.

– Смотри. Это и есть настоящая я. Изменение стабилизируется в истинной форме вне зависимости от того, в какой ты родилась.

– Многие остаются, кем были.

– Значит, их есть, чему удержаться. Я, Эремерт, Тавир... Изменение случилось тогда, когда мы больше всего сомневались в себе самих. – Сиэ снова затянулась, и протянула сигарету Аори. – Будешь?

– Вряд ли я в ближайшее время “буду” хоть что-то похожее, – она с нервным смешком отодвинула руку подруги. – Урок усвоен.

– Так я и поверила. Дозу не превышай, вот и все. Или вос-

становливайся почаще.

– Сиэ, я серьезно.

Измененная фыркнула дымом поверх ее головы.

– А если твоя жизнь будет зависеть от того, используешь ты плиор или нет? А если не твоя? Ты еще в монастырь уйди!

– А возьмут? – заинтересовалась Аори.

– Разве что в мужской.

– Не хочу в мужской, – она провела указательным пальцем вверх, по груди, по плечу, по шее, на которой едва заметно билась голубая жилка. – На что там смотреть? Что в них красивого? Что в них чувственного? Сиэ, ты и в самом деле никогда не занималась с ними сексом?

– Ради удовольствия – никогда.

Измененная склонила голову, наблюдая, как рука Аори путешествует по ее телу, будто пытается нарисовать в пространстве силуэт подруги.

– Значит, без. Зачем?

– Когда от этого зависело что-то большее, чем мое удовольствие. Ты еще поймешь, насколько все это незначимо. Слишком уж любим себя, свое тело, делаем трагедию из ерунды.

Аори совершенно не к месту хихикнула.

– Что?

– Мне всегда интересно было, что чувствуют мужчины... Ну, за счет физиологии. В чем разница. А ты вот знаешь. Или тебе в принципе неприятно, когда... ммм...

Рассмеявшись, Сиэ отбросила плед, поднялась и дважды хлопнула в ладоши.

По периметру комнаты вспыхнули спрятанные между балками лампы. Аори завертела головой – то, что она приняла за гостиную, на самом деле оказалось студией, вместившей в себя и кухню, и уголок с креслами и диваном, и совершенно невероятных размеров кровать, занимавшую весь дальний эркер.

– Иди сюда, – позвала измененная, раздвигая в сторону высокие деревянные панели у одной из стен.

Обернув плед вокруг себя, словно платье из коллекции впавшего в творческий кризис кутюрье, Аори приблизилась. И застыла, пораженная открывшимся разнообразием расцветок и форм. Она, в лучшем случае, угадала бы назначение половины коллекции, а отдельные экспонаты вызывали в теле нервную дрожь, а на лице – дурацкую улыбку. Вот уж точно, какие еще нужны доказательства, что на Мишруми – дом Сиэ? Логово наглой, бесстыжей рыжей кошки, у которой и в самом деле больше, чем одна жизнь.

Оценив реакцию подопечной, Сиэ с коротким смешком сдвинула панели обратно и снова хлопнула в ладоши – скорее по привычке, чем из реальной необходимости. Дуновение изменения коснулось виска Аори, словно едва заметный сквозняк.

Музыка зазвучала исподволь, сначала тихо, едва заметно. Что-то незнакомое, этническое, на духовых инструментах.

Печальная мелодия, бесконечная, словно пустыня, глубокая, словно ночное небо над ней.

Лампы погасли, но в тот же момент загорелись расставленные тут и там свечи и поднялся легкий дымок от десятка ароматических палочек.

Аори шагнула к одной из них, переступив через упавший плед, и подставила пальцы так, что серая струйка разбивалась на несколько еще более тонких.

– Помнишь?

И Сиэ кивнула, зная, что Аори почувствует.

Теплый, мягкий свет создавал едва заметный ореол вокруг тела юной изменяющей. Уже не такого хрупкого, как раньше, уже не детского. Но внутри жила все та же душа, надломленная снова и снова, и не было в мире ничего прекраснее.

– Добро пожаловать в мир измененных, милая.

– Заканчивай мечтать, – грубый голос Дафы вырвал Аори из воспоминаний. – Гладит себя и гладит, тьфу. Смотри мне – никаких глупостей в пути! О мужиках она думает...

– Почему сразу о мужиках? – возмутилась Аори и тут же прикусила язык.

Далеко не во всех мирах разделяли взгляды изменяющих или Теней. Кое-где после излишней откровенности предстояло бы встречать рассвет в гордом одиночестве. И по горло в песке.

К счастью, Дафа приняла ее возмущение на свой счет, и раздраженно махнула рукой. Фыркая, как недовольный бегемот, арашни выбралась на берег. Она успела вытереться и одеться, пока Аори заканчивала с умыванием.

– Все чужачки такие лысые? – поинтересовалась Дафа, беспардонно рассматривая выходящую из воды девушку.

– Местами, – буркнула Аори.

Арашни расхохоталась, и только тогда ее подопечная сообразила, что ляпнула. Скривившись, она остановилась, раздумывая, где бы развесить мокрую повязку.

Решительно отобрав тряпье, Дафа отправила его в костер. И, вытащив из коробки ничем не лучший, но хотя бы сухой обрывок, плеснула на него зельем из пузатой глиняной бутылки. От едкого запаха аж глаза запекло.

– Будет больно, – порадовала арашни, и припечатала тряпку к животу Аори.

Та стиснула зубы изо всех сил, чтобы не заорать.

Демоны!!! Даже в первый раз было легче!

Если доверять ощущениям, в бутылочке плескалась сто-процентная кислота. Так что, когда Дафа убрала тряпку, Аори немало удивилась отсутствию сквозных отверстий. Даже швы целы, хоть шрам и открылся ближе к боку.

– Дней восемь? – арашни едва ли не уткнулась носом Аори в пупок, рассматривая пересекающий живот разрез. Из того как раз выкатилась и устремилась к бедру маленькая алая капля.

– Угу.

– Тебя неплохо подлатали. Что, так и попалась? Или пыталась сбежать?

Аори промолчала вместо ответа. Она не обязана говорить правду, но и врать тоже не обязана. Чем меньше лжи, тем меньше шансов, что тебя на ней поймают.

– Не бойся, – Дафа истолковала ее молчание по-своему. – Мы не из тех, кто делает свободных рабами. К тому же...

В руках арашни оказалась небольшая баночка и, запустив туда два пальца, она принялась намазывать на шрам липкую черную дрянь.

– Что?

– К тому же, ты наша сестра по оружию. Ши каравана. А ты слышала когда-нибудь, чтобы в рабство продавали сестер?

– Много, много, много раз, – пробормотала Аори, пристально наблюдая за действиями Дафы.

– Твоя правда, – арашни кивнула с ноткой уважения.

Кожу стянуло, словно пластырем. Аори недоверчиво коснулась мастики кончиками пальцев, посмотрела на них – надо же, чистые. На воздухе черная жижа мгновенно застыла, закупорив рану.

– Не бегать, не прыгать, не драться до Ше-Бара, – проинструктировала Дафа. – Совсем хорошо – не шевелиться.

– Как же я туда попаду, если не буду шевелиться? – хмыкнула Аори.

– Не моя забота, – отрезала арашни и, с кряхтением наклонившись, принялась собирать вещи. – Можешь попробовать лежать в нужном направлении.

– Отличный план.

Аори невольно зевнула. Усталость после бессонной ночи накатила с новой силой, а ведь демоны его знают, захочет ли Шуким сделать привал в разрушенном убежище... Запах гари донимал даже возле озера, а там, где еще дымились остовы шатров, дышать получалось лишь прижатый к лицу капюшон. Арахам в их куфиях приходилось проще, но ненамного.

– Оденься, – Дафа перебросила через костер сверток с чистыми рубашкой и шароварами. – Вычисти фарку.

Аори едва удержалась, чтоб не отсалютовать неугомонной арашни. Приземистая, высушенная, с искривленными и натертыми спиной ящера ногами, Дафа наполнилась энергией самого солнца, самой пустыни. Она крутилась, как песчаный смерч, и, когда Аори исподтишка взглянула измененным зрением, потоков в крохотном теле хватило бы на двоих.

Примитивность местных средств приводила в бешенство. Там, где на Астрали на помощь пришло бы изменение или банальный чистящий автомат, приходилось в сотый, в тысячный раз тереть пятна руками. Едва Аори закончила возиться с одежкой, как Дафа подняла ее и погнала обратно, к покрытому пеплом убежищу.

Они остановились на гребне скалы, и солнце, взобравшись в верхнюю точку небосвода, жарило макушки даже сквозь облака. Да и что там тех облаков... Легкая пылевая дымка, сквозь которую пробивался оттенок синевы. Поежившись, Аори набросила на голову глубокий капюшон. Если распустить соединяющую его половины шнуровку, он превратится в закрывающую плечи накидку, но пока что куда приятнее спрятаться в тени от откровенно неприязненного взгляда арашни.

Тропинка, соединявшая убежище и озеро, уходила вбок, терялась между отрогов. Не успела Аори сделать следующий шаг, как арашни цепко ухватила ее за рукав короткими, но удивительно ловкими пальцами.

– Здесь ждем, – Дафа мотнула головой в сторону узкой полоски тени у истерзанного ветрами валуна. Бури не раз налетали на скалы, полировали их бока песком и постепенно сгладили острые кромки и углы. Хотя, наверное, эти камни еще помнили времена, когда на месте пустыни рос лес. Или трава... Демоны его знают! Если что-то и было, что Аори ненавидела больше географии, так это история.

Не глядя на арашни, она рывком высвободила руку. Зрелище, развернувшееся у подножия скалы, казалось куда более занимательным.

В теле пустыни появился свежий шрам. Если бы Аори не видела, как движется, словно единое целое, круг огромных бронированных ящеров, если бы не чувствовала, как дрожит

под ногами песок, когда в него вонзаются чешуйчатые лапы, она никогда бы не догадалась, как могла возникнуть за неполный час настолько глубокая яма. И в центре ее, словно птенец в гнезде, покоилось завернутое в ослепительно белую ткань тело.

Погибшего караванщика уложили так, чтобы лицо его было обращено к Ше-Бара. Непростая задача, ведь лица-то у него и не осталось... Широкая лапа ящера вдавила голову в песок и камни, навсегда оставив отпечаток и на Священном пути, и в душах людей. Арахи один за другим подходили к могиле, кланялись и опускались на колени в ногах у товарища.

Шуким единственный сидел возле головы, держа в ладонях широкую металлическую чашу. В ней путеводной звездой горел кусочек угля, едва видимый в полуденном свете. Наверняка металл обжигал руки, но тоо не торопил друзей. Каждый имел право на прощание, и как знать, не зажжет ли завтра один из них огонь для самого тоо?

Дафа недовольно вздохнула, когда Аори, скрестив ноги, расположилась на краю скалы, но ничего не сказала. Чужачке, не знающей истинного бога, заказано освещать путь сыну пустыни, но Харру в милости своей наделил людей зрением. И хвалу возносит тот, кто даром пользуется, и кошунствует тот, кто этот дар отрицает. Мир исчерчен путями, проложенными смертными, но лишь один из них начертан богом, и все, что случается на нем, случается по его воле.

Сложив ладони домиком, Дафа прижала их к подбородку. Губы арашни дрогнули в короткой беззвучной молитве о помощи потерявшим путь.

“О великий Харру, проясни наш разум, чтобы осознали мы волю твою.”

– Почему могила только одна? – поинтересовалась Аори, подозревая, в общем-то, каким будет ответ. Она подперла подбородок кулаками, и вопрос прозвучал несколько невнятно, но Дафа и услышала, и ответила.

– Души убийц, предателей и чужаков заберут демоны пустыни!

Аори фыркнула, не удержавшись. Ну, спасибо! Почему арашни так на нее зла? Вроде бы, чужачка не сделала ничего плохого... Ну, разве что, кроме того, что из-за нее Дафа не сможет попрощаться с другом. Насколько это важно для нее?

– Ты можешь идти, – предложила Аори, не оборачиваясь. – Я буду здесь. Обещаю.

– Не пытайся искушать меня, чужачка! – отрезала Дафа. – Приказ тоо не обсуждается.

Насмехаться над кривоногой погонщицей не хотелось, так что Аори едва заметно пожала плечами и коснулась чахлого кустика тавуки. Он рос на самом краю скалы, протянув веточки над обрывом, там, где его не мог засыпать песок, там, где буря трепала его с особой жестокостью.

Если вырастет, то станет сильным оттого, что не погряз под рутиной, под мнимой поддержкой лживых друзей, отто-

го, что судьба раз за разом наносила удары. Только вряд ли ему удастся. Как только ветки вытянутся чуть дальше, ветер сможет, наконец, ухватиться за них и вырвать тавуку с корнями. С короткими, чахлыми корнями, которым не на что опереться на голой скале. Не ее это место, и вряд ли кустик хотел расти именно так.

Но растет же. У одной из колючек, как последняя надежда, даже вылез на свет чахлый лист.

Совершенно бездумно Аори погладила его, представляя, как даже от крохи отданной энергии тавука наполняется жизнью, как на ветвях появляются другие... надежды.

Ничего не случилось. Только лист оказался высохшим и от прикосновения сорвался с ветки. Покачиваясь на потоках горячего воздуха, он медленно спланировал вниз. Ниже, ниже... Аори, щурясь, наблюдала за черной точкой, пока глаза не заслезились. Она невольно моргнула, сгоняя влагу, и уже не смогла различить на фоне бурой пустыни, куда он делся.

Арахы поднялись вслед за тоо. Шуким удерживал чашу на вытянутых, напряженных руках. Неожиданный порыв ветра набросил край куфии на его лицо, хлестнул ею наотмашь, но тоо даже не моргнул.

Его голос первым разбил полуденную тишину, и сердце Аори провалилось в пятки, когда караванщики поддерживали простую печальную песню. Голос Дафы, неожиданно глубокий, звенящий, вторил им за спиной.

Первая мелодия, которой встретили изменяющую Миш-

руми и Сизэ, мелодия без слов и смысла, теперь обрела их. Молитва за идущих по последнему пути летела над песками, летела туда, где каждая душа найдет покой, туда, куда невозможно дошагать, пока бьется твое сердце.

О чем могла знать измененная? Или, потеряв способность смотреть через миры, Сизэ научилась пусть не читать будущее, но связывать его с настоящим?

И отпустила Аори лишь для того, чтобы беспомощное дитя умерло в песках, и обратно вернулась равная и неподвластная ей изменяющая?

– Мы встретимся, – беззвучно прошептала она и прикоснулась к губам, запечатывая клятву.

Surganova & Orkestr. Ты – пламя.

3.

В первую ночь на Мишруми Аори проснулась задолго до рассвета. Вынырнула из кошмара, будто из омута, села на кровати, прижимая к груди одеяло и тараща глаза в темноту. На фоне стены едва заметно светилось окно, и занавески шевелились на ветру, словно беспокойные привидения пытались забраться в комнату.

Спросонья Аори показалось, что она снова в Фаите. Кошмар не отпускал, пробирался в реальность ожиданием неминуемой атаки демонов, и уже слишком поздно было бежать.

– Милая? Все в порядке?

Глубокий голос Сизэ мгновенно вернул мозги на место. Выдохнув, Аори отпустила одеяло и рухнула обратно на подушку.

– Да. Просто сон.

– Иди сюда...

Измененная сгребла ее одной рукой, прижала к себе. Теплое размеренное дыхание едва ощутимо щекотало ухо, и Аори подумала, что в нем почти различимо тихое, уютное мурлыканье. Она уснула быстрее, чем смогла его услышать.

Когда Аори снова открыла глаза, ветер все так же играл с занавесками, но яркий утренний свет истребил всякую потустороннюю шуштуру. Ткань оказалась просто тканью, демоны

убрались подальше от обиталища Искателей, а та, что могла командовать им вернуться, устроилась с книгой в обитом коричневым велюром кресле. Солнечные пятна лениво шевелились на полу, проникая сквозь крону растущего снаружи дерева, и Сиэ счастливо жмурилась, когда луч падал на ее лицо. Золотистые волосы рассыпались по плечам измененной крупными локонами, и в них то и дело мелькали яркие огненные искры.

Непостижимое людям кошачье чутье подсказало Сиэ, что Аори проснулась, за секунду до того, как подруга очнулась.

– Я сказала Тавиру, что ты еще восстанавливаешься, – улыбнулась измененная и, загнув край страницы, закрыла книгу и отложила в сторону. – Не хотела будить.

– Он поверил?

Сев на огромной кровати, Аори сладко потянулась. Остатки кошмара еще болтались на краю сознания, словно для того, чтобы их смыть, маловато одной беззаботной, солнечной реальности.

– Ой сомневаюсь! Но возражать не стал.

Аори не нашла слов, чтобы выразить свою благодарность. Она давно не чувствовала себя настолько отдохнувшей, словно не было ни путешествия между мирами, ни выматывающего ритуала. Вот они, главные плюсы компании другой изменяющей. Тебя всегда есть, кому привести в порядок.

Кстати, может, есть еще какой-то вид изменения, которо-

му Аори забыли научить? Ни следа от безумной ночи от не осталось в наполненной светом комнате. Ни дымных струй, с которыми они играли, подхватывая потоки и касаясь друг друга чистой энергией, ни черной ленты, которой измененная завязала Аори глаза, чтобы зрение перестало мешать. Даже пятно исчезло с ковра, а ведь Сиэ выронила полный бокал, когда подруга решила использовать особенность. И когда не испугалась и не удивилась тому, что ощутила.

Изменяющие управляют своими эмоциями, измененные – имитируют. Слишком много умения, слишком много памяти истлело, и только самое яркое, самое болезненное чувство может пробиться сквозь слой тысячелетней пыли.

И что-то было там, внутри Сиэ. Что-то проснулось ради и из-за Аори.

Она не стала всматриваться. То, что жило внутри нее самой, отчаянно рвалось наружу, чтобы быть разделенным и умноженным, чтобы умереть в нежных руках и родиться заново совсем иным.

Интересно, измененная догадывалась, как все получится? Ждала, хотела, спланировала и разыграла, как по нотам? Или... разочаровалась? Аори посмотрела на тыльную сторону кистей, перевернула руки. Линии на ладонях тоже ничего не подсказали. Даже если поверх заструятся потоки, яснее не станет.

Почему она так изменилась? Тоже превратилась в нечто новое, и не самое лучшее.

Кат, Кат, Кат... Куда же тебя занесло. Правильно делаешь, что не отзываешься. Может, пришла пора в очередной раз сменить имя?

Массивная кровать даже не скрипнула, когда Аори выбралась из-под одеяла.

– У меня есть своя комната, или будем заниматься в постели?

– Следующая дверь по коридору, милая. Постель – на твое усмотрение.

Так хочется перестать бояться. Так хочется поверить, что счастье все-таки есть, здесь, для нее. Что оно может улыбаться насмешливо и мудро, щуриться, читая в ее душе и отзываться одним лишь теплом.

Счастье, родившееся в этом мире, женщина, о которой она не знает почти ничего. Кто она, что она...

– Жаль.

– Почему? – удивилась Сие.

Пушистый багровый ковер скрадывал шаги, и Аори приблизилась абсолютно беззвучно. Она забралась в кресло лицом к лицу с подругой и, стоя на коленях над ней, отвела прядь золотистых волос с высокого ясного лба.

Рыжие глаза неотрывно следили за действиями изменяющей.

– Жаль, что нет обязательных занятий. Я бы усердно выполняла твои приказы. Если, конечно, я тебе еще не противна.

Пальцы подружки уверенно легли на бедра Аори, надавили, заставляя опуститься.

– Ты опять ерундой страдаешь? Семь процентов, статистически...

– Что – семь процентов? Студентов попадается? Да, я не молодец, я знаю.

Сизэ фыркнула. Ее пальцы скользили по гладкой коже, будто жили собственной жизнью.

– Семь процентов пробуют наркотики после выпуска, а не до.

– Плиор – это ж разве наркотик?

– Как и все, что вызывает болезненное привыкание.

– Тогда ты тоже – наркотик, – пробормотала Аори, нежась под ее ласками.

– Я – котик, – с убийственной рассудительностью сообщила Сизэ и скорчила суровую гримасу. – Слушай первый приказ. Умыться, одеться и быть готовой через полчаса предстать перед ясны багровы очи начальства. Ясно?

– Знаешь, что?

– Мррр-да?

Усмехнувшись, Аори наклонилась поближе.

Что же это за духи такие? Сухое, теплое дерево, травы, запах пропитанного энергиями храма, глупо разбирать его на составляющие...

– Не удивила, – издевательски прошептала она и цапнула измененную за ухо. Взвизгнула, получив ощутимый шлепок,

но не остановилась.

В общем, приказ Аори не выполнила, нарвавшись еще и на штрафные санкции. Полчаса превратились в добрые полтора, но, когда Сиз постучала в темную от времени дубовую дверь, тонкий червячок беспокойства внутри ученицы никуда не делся. Сидел внутри, и грыз, и нашептывал нервно всевозможные догадки о испытаниях, поучениях и вообще любом гадстве, какое придет на ум тысячелетнему полумайду.

Почему-то, в сочетании со старинным замком, в подсознании всплывал полустертый образ правителя на высоком троне. Весь в черном, мужчина держал в руке кубок с кровью и, отпив из него, щерил в улыбке клыки.

Откуда взялась эта мысль? Мрак ее знает... Нет. Демоны. Демоны знают. Для нее больше нет мрака там, куда уходят души.

Тавир, увы, то ли не читал сказок, то ли не собирался следовать заезженным стереотипам. Едва перешагнув порог, Аори замерла, не в силах не то, что пошевелиться, а хотя бы оторвать взгляд от залитой искусственным светом лаборатории. Приборы, механизмы, реторты, стол с идеально ровной стопкой папок и высокий мужчина в белом возле него. Он даже не пошевелился, посчитав изучение единственного листа бумаги важнее каких-то посетителей.

Ни единой лишней детали, ни малейшего пятнышка. Ни кусочка до боли знакомого пластика, но вместе и в целом так и ждешь, что за раздвижной дверью окажется наполненная

синими разрядами сфера, что мужчина в белом обернется, посмотрит непроницаемо черными глазами и безапелляционно скамандует в нее войти.

И ты выполнишь приказ.

Сизэ за спиной тяжело вздохнула и коротко выругалась под нос. Что-то вроде “Эта девчонка никогда не научится”, но так быстро, что Аори не поручилась бы за каждое из слов. Возможно, измененная совсем не “девчонкой” ее назвала, но уточнить она не успела. Больно пихнув ученицу в плечо, Сизэ шагнула вперед.

В следующую секунду глаза Аори сошлись у переносицы. Тусклое матовое острие невольно притягивало взгляд, подрагивая в воздухе в опасной близости.

– Пять секунд! – Сизэ раздраженно швырнула метательный нож на пол. Морок у стола растаял, повинувшись жесту сотворившего его иллюзиара. Он сидел на барном стуле у высокой стойки, практически неразличимый за разноцветными колбами.

Аори упрямо сжала губы. Можно подумать, просканируй она приманку, это помогло бы вовремя заметить настоящего Тавира. И справиться с иммунным к магии полумайдом, ага, конечно. Ей как-то забыли пришить крылышки супергероя.

– Первое, – когда командир базы поднялся, сиденье стула закрутилось с едва различимым шелестом. Он говорил, обращаясь исключительно к Сизэ, словно рядом с ней никого не было. – Поставить рваную защиту.

Тавир шагнул к столу, поднял одну из папок, открыл. Даже эти несколько движений были такими отточенными, такими идеальными, что Аори невольно сжала зубы, вспоминая вытоптанную полянку в кругу немых каменных истуканов.

“Я теперь должна расползтись в лужу от восторга и сделать все, лишь бы он обратил на меня внимание?”

Какая-то жилка, небось, еще психологами Теней заложенная, задрожала внутри в щенячьем восторге – да, да, конечно, постараться, смочь, оправдать и вообще! Аори задавила этот порыв без всякой жалости. С куда большим удовольствием она бы вколотила в полумайда давнишнюю деревяшку по самый корешок, но, к сожалению, между ними постоянно влезает одна наглая и насмешливая измененная.

– После заката будет доставка из Третьего, – Тавир хлопнул папкой и положил ее на стопку таких же, уголок к уголку. – Займись. Это второе.

– Сама? – голос Сиэ стал неожиданно серьезным.

– Пусть учится.

– Ага.

Ухватив Аори за плечо, измененная развернула ее и подтолкнула в спину.

– Все? И это – все? – ошарашенно спросила ученица, стояло дверям захлопнуться.

– А что, мало? – покосилась на нее подруга и прикусила ноготь большого пальца, словно раздумывая о чем-то. – Хо-

чешь, чтоб Тавир по тебе прошелся еще каким-нибудь образом?

– Нет! Да! Зачем ты меня привела? Это было самое короткое и бессмысленное знакомство в моей жизни!

– Ага, особенно если учесть, что никакого знакомства не было, – в тон ответила Сиэ и опустила руку. – Примерно так Тавир и общается. Ми-ни-мум слов. Привыкай.

– Что там за защита? – буркнула Аори, всем своим видом показывая, как относится к подобному обхождению.

– Пойдем... Пойдем... А пойдем мы, пожалуй, в оружейную. Нет ничего лучше обучения на практике, правда?

Указательным пальцем Сиэ насмешливо мазнула по кончику носа ученицы и умчалась вперед быстрее, чем та успела как-то отреагировать.

Бежать за ней по хитросплетением коридоров Аори вовсе не улыбалось – простые на планах, в реальности они превратились в настоящую паутину. А если учесть еще и скрытые изменения проходы... Возможно, они внесли свою лепту в процент тех, кто так и не закончил обучение?

К счастью, оружейная оказалась буквально за следующим поворотом. Очередное разочарование – Аори почему-то ждала высоких сундуков с обитыми железом ребрами, арбалетов и мечей на стенах в три ряда, а вместо этого попала в окруженный аркадой внутренний двор. Пусть и с арбалетами, помимо прочих убийственных штуквин.

Измененные старались не привносить в миры своего оби-

тания ничего сверхтехнологичного. Всегда есть место для ошибки, для удачного воровства, и последствия могут оказаться катастрофическими. Но Мишруми, несмотря на состояние постоянной войны, оказался вполне развитым миром, особенно, когда речь заходила об оружии.

А может, именно поэтому.

Сиэ на ходу подхватила со стенда пистолет с длинным круглым дулом и воткнула в рукоятку сразу две обоймы. Вслед за измененной Аори вышла на середину мощеного дворика. Камни расшатались от времени, но, похоже, никто не собирался их чинить. Из щелей торчала высокая зеленая трава, столь яркая, словно выросла только этим утром. А на небе, прозрачно-синем, высоком, не оказалось ни облачка, когда Аори подняла взгляд.

Кажется, она снова вернулась в лето. Мелочь, а ведь приятно.

Измененная подбросила пистолет на ладони, переворачивая, и протянула ученице.

– Эх, – Сиэ потеряла руки и, передернув плечами, отступила на несколько шагов. – Стреляй.

– Что? – растерялась Аори. – Куда?

Она повертела пистолет в руках. Недоразумение какое-то. Потрепанное, с пятнышком ржавчины на круглом дуле, тонком настолько, что крохотная пуля вряд ли причинит особый вред.

Когда-то она потратила немало времени и нервов, что-

бы перестать вскидывать запястье машинальным, вбитым на сотнях тренировок движением. Чтобы привыкнуть к тому, что вместо невесомого станнера у кисти пальцы сжимают холодный металл, и поди пойми, куда полетит заряд.

Когда-то...

Аори нервно хмыкнула. Всего два года прошло. А кажется, что целая жизнь.

Удивительно уникальная мысль.

– Ну как – “куда”? Ты здесь тир видишь?

Выудив из кармана портсигар, а из него – сигарету, Сизэ посмотрела на нее испепеляющим взглядом. Тонкая струйка дыма тут же взвилась в безоблачное небо. Затянувшись, измененная перевела взгляд на ученицу.

– Вижу, между прочим.

Дернув уголком рта, Аори повела дулом в сторону ряда мишеней за спиной подруги.

Сгусток изменения пролетел над головой – ученица едва успела упасть на колено. Стебли лопнули с громким хрустом, штаны моментально промокли от травяного сока, и Аори, не вставая, несколько раз нажала на спуск.

Пистолет срабатывал с коротким треском вместо привычного звука выстрела, и каждая пуля вылетала в ореоле электрического разряда. Они врезались практически в одну точку – в центр золотистого щита, вспыхнувшего перед Сизэ – и исчезли в ослепительных белых вспышках.

– Это – активная защита. Вполне тебе знакомая, надеюсь.

– Да, это входило в минимальный курс, – язвительно ответила Аори, поднимаясь с колен. – Представляешь? А если бы я училась еще немного, например, год или два, как нормальные люди, то...

– То заплевала бы ядом весь Арканиум, снизу и до самого верха, – подруга помахала перед собой рукой, будто разгоняла дым, и щит погас. – Владыка знатно сэкономил на ремонте. Давай, стреляй снова. Только, умоляю, один раз. Я вполне оценила твою подготовку.

Аори недоуменно посмотрела на нее измененным зрением. Нет, никаких признаков активной защиты. Впрочем, потоки вились в теле Сиэ совершенно непредсказуемым образом, поди разбери, что там происходит.

Наверняка, любой из знакомых Аори изменяющих справился бы с такой задачкой. Когда, ну вот когда она перестанет быть такой беспомощной, такой неумехой?!

– Уверена?

– Милая, можно просьбу? Да? – коротко затянувшись, Сиэ пошире расставила ноги и согнула руки в локтях, словно намеревалась поймать следующую пулю. – Перестань сомневаться во всем, что я тебе говорю. Перестань оспаривать мои приказы, проще говоря. Понимаешь, о чем я?

Аори кивнула и сжала губы. Прицел немного подрагивал вслед за рукой, еще не хватало промазать с такого расстояния...

– Вопрос можно?

– Ну?! – Сиз выпрямилась и утомленно наклонила голову.
– Почему ты сама не выстрелишь?
– Куда, в щит? Или в тебя?
– Без щита.

– Слишком близко, – измененная неотрывно наблюдала за направленным на нее концом пистолета. Он опускался все ниже. – Ты поймешь, почему.

Выдохнув, Аори выровняла прицел и выстрелила.

В невесомом, потертом пистолете Мишруми скрывалась поистине чудовищная сила. Та, что могла остановить демона. Измененную отшвырнуло назад, и она упала навзничь без единого звука.

Аори оцепенела от ужаса, от неправильности, невозможности случившегося. Стояла и смотрела, как разрастается алое пятно на голубой рубашке, как прорастает отдельными струйками, как они тянутся по боку аляповатым узором.

Как, как такое может быть от одной крохотной пули?

“Что я натворила... Что ты натворила, Сиз?!”

Надо подойти... Будто что-то может помочь после прямого попадания в сердце.

Она не поняла! Она не должна была стрелять, чтобы убить!

– Сиз! – с трудом сделав первый шаг, Аори отбросила пистолет и за мгновение преодолела разделявшее их расстояние. Рядом с измененной она поскользнулась на травяных стеблях, упала, ссадив кожу на ладони, но даже не заметила

этого.

Сизэ лежала неподвижно, широко распахнув глаза.

Аори забыла, как дышать. Она подняла руку, пытаясь коснуться щеки подруги, отдернула ее. Пальцы плясали, словно по ним пропустили ток.

Только сейчас она заметила, что по краю золотистой радужки вьется черная кайма. Будто траурная лента, будто колючая проволока, которой опоясал солнце очередной безжалостный бог.

“Глаза... Но... Почему я их вижу?”

Если изменяющие умирают, их тела исчезают. Растворяются. Как растворилась Люс.

Сизэ моргнула и, медленно поднимая руку с сигаретой, затаилась так глубоко, что та разом истлела на треть.

– Знаешь, что самое сложное, если сработала рваная защита? – произнесла она отрешенно, так, словно давно утратила страх смерти и желание жить – вместе с ним.

– Что? Что происходит? Сизэ!

– Не кричать, – измененная скрипнула зубами и, ухватившись за плечо подруги, с трудом села. – Не орать, чтобы те, кто тебя убивает, решили, что у них получилось... Демонь!!!

Она все-таки застонала, прижимая ладонь к боку. Намного ниже того места, куда целилась Аори.

Сизэ задрала край безнадежно испорченной рубашки, и на глазах ученицы из раны сам собой выпал металлический

кругляшок. Края тут же сошлись, формируя рубец, сначала выпуклый, болезненный даже на вид, и сгладившийся спустя несколько секунд. Точно так же исцелялись и потоки в теле измененной.

– Рваная защита не отражает удар, – подобрав пулю, Сизэ вложила ее в ладонь подруги и поднялась. – Неплохой сувенир, скажи? Она его отводит. Так, чтобы пуля не попала в жизненно важные органы.

– А если они знают, что изменяющие исчезают после смерти? А если выстрелят несколько раз?

– Тогда умрешь от кровотечения. Или от воспаления, если тебе некому помочь, просто чуть позже.

– И зачем тогда эта бесполезная хрень?

– Она пассивна и всегда с тобой. И если для полноценного щита тебе надо сообразить, с какой стороны от себя его ставить, то рваная защита реакции не требует. И подпитки не требует. Вообще ничего не требует, кое-кому поучиться бы, а?

Сизэ отошла на несколько шагов, подобрала пистолет, остановилась, вертя его в руках.

– И уж если ты прошляпила собственное убийство, то неожиданность – твой единственный шанс. Как бы ни было больно и страшно. В ближнем бою от нее толку маловато, конечно, так что делай выводы. Ты взяла аркан?

– Нет!

Аори поднялась, шатаясь так, словно разом выпила бу-

тылку вина, скурила весь запас сигарет Сиэ и в завершение шлепнула себе на лоб недельную порцию плиора. Определиться бы, чего внутри больше – ужаса от едва не случившегося, облегчения, традиционной злости на себя саму, на сволочную измененную, желания прибить ее, гадину, с гарантией и до конца...

– Ну и ладно, – миролюбиво протянула Сиэ. – Все равно он извне ставится.

Тонкие иглы на мгновение впились в энергетический центр, но Аори удержалась от вскрика. Не привыкать... Она скосила глаза вниз. Пресловутая защита едва просматривалась даже измененным зрением. В принципе, логично. Нет более гарантированного шанса получить второй выстрел, если во время первого сияешь, как праздничная гирлянда.

– Почему ты не могла просто ее поставить? – сформулировала, наконец, свои претензии ученица.

– Боль – это единственное, что я все еще чувствую в полной мере, – хмыкнула Сиэ и, отбросив окурок, прицелилась. – Да и должна ж быть в мире какая-то справедливость, гармония там, ради которой мы, собственно, и вертимся... Что ж, с теорией мы закончили. Теперь – практика.

– Какая еще практика? – попятилась Аори. – Сиэ, ты... ты что? Давай не спешить, я не уверена, что защита встала, как надо... Сиэ, подожди! Нет!

Измененная могла бы гордиться подругой. У нее получилось не кричать.

Целых десять секунд – до второго выстрела.

Не все упивались болью так, как измененная, но в выжженном мире многие умели ее скрывать. Искривленные шрамом губы сжались в нить, когда тоо спрыгнул со спины ящера прямо в черную копоть. В угли, оставшиеся там, где раньше, окруженные остролистыми юкками, стояли шатры. Обрывки истлевших нитей поземкой вились по земле, и это сравнение не пришло бы в голову ни одному караванщику. Они ждали неподвижно, удерживая ящеров за поводья. Никто, кроме тоо, не поднялся в седло после того, как ящеры забросали песком свежую могилу и медленно, один за другим, побрели прочь.

Застыла, цепляясь за седельный ремень, и чуждая пустыне девчонка.

Там, где десятилетиями останавливались караваны, где лежки ящеров продавили вмятины в камне, где усталые, запыленные путники находили покой и отдых, пусть даже на одну, такую короткую ночь, остались лишь пепел, уголь и вплавленные в песок черные потеки. Они походили на демонов, явившихся танцевать в огненных языках, и окаменевших в лучах утренней зари.

Прямо возле входа в неглубокое ущелье, похожее скорее на пещеру без свода, чем на разлом, скрючился небольшой обгоревший скелет. Чуть дальше – еще один. Неподалеку из песка торчал наконечник копья.

Туши ящеров сохранились лучше – огромные вонючие кучи у самых стен, с остатками цепей, протянувшихся к кольцам. Зверям некуда было бежать, а нападающих интересовали только товары.

– Будьте прокляты, – с ненавистью в голосе сказал Шуким. – Будьте прокляты и вы, и ваши души, и ваши дети!

Обгоревшие остовы шатров торчали из песка, как кости драконов. Бросив повод, тоо ринулся между ними, стремительно и неудержимо, словно человек из плоти и крови превратился в карающего демона. Ветер трепал полы разноцветной фарки, отбрасывал их за спину, швырял в лицо пепел и последние живые искры. Добираясь до вершин скал и запутываясь в них, кривых и изломанных, он выдувал заунывную мелодию без начала, конца и смысла.

Аори насчитала восемь остовов слева и справа у стен широкого ущелья. Миновав их за считанные секунды, Шуким остановился у покрытого разноцветными лишайниками камня в конце прохода. Пламя обошло его стороной, будто по волшебству. Со сдавленным возгласом тоо упал на колени и, как один, его движение повторили остальные караванщики. Опустились прямо в черный песок, даже не взглянув под ноги. Стоять остались двое – недоумевающая чужачка и понурый арах в черной фарке. Его руки спереди туго стягивал ремень, свободный конец которого тоо намертво привязал к своему седлу. Задубевшие края оставили на запястьях сочащиеся сукровицей ссадины.

На Аори шикнули, и она поспешно присела. Не столь расторопного – или куда более упрямого – пленника ткнули в спину пяткой копья. Потеряв равновесие, он рухнул лицом вниз, словно мало на нем до того было грязи, ссадин и синяков.

– Милостивый Харру... – с трудом выдавил из себя тоо, и Аори обмерла, услышав, что его голос дрожит. – Двулика невредима!

Словно в трансе, Шуким протянул руки перед собой и тут же отдернул их, словно обжегшись. Порыв горячего, сухого ветра ударной волной прокатился по ущелью и наотмашь хлестнул по каравану. Люди не проронили ни слова, удерживая беспокойно всхрапывающих ящеров.

Тоо согнулся в поклоне, коснулся песка лбом.

– Прости нас, мудрейшая, – попросил он, не поднимая головы. – Мы заслужили твой гнев и твою кару. Убежище разрушено. Позволь мне вернуть вместилище в Ше-Бара.

– Позволь... Позволь...

Голоса зазвучали один за другим. Сначала робкие, они быстро окрепли и слились в монотонный шепот. Он пробирал до глубины костей, и Аори передернула плечами, поглощенная недобрым предчувствием. И, чем дольше бормотали арахы, тем больше оно напоминало самую настоящую панику. Черная пыль металась на ветру, оседала на лице, скрипела на зубах, и, казалось, она движется все быстрее и быстрее, повинуясь зловещему гомону.

Тяжело дыша, Аори впиалась скрюченными пальцами в колени, пытаясь справиться с накатывающим ужасом. Когда она уже готова была закричать, Шуким выпрямился, арахии замолчали, и паника отступила, будто стертая мокрой тряпкой.

– Мудрейшая хочет жертвы.

Прищуренные глаза Шукима горели мрачным огнем, когда он обернулся. У бедра тоо покачивал ветвями опаленный, но еще живой куст тавуки, и ему недоставало сил стряхнуть с себя липкий налет пепла.

– Чужачка, – прошипели за спиной, и Аори узнала голос Дафы.

Шуким посмотрел на нее длинным, ничего не выражающим взглядом.

– Нет, – произнес он, наконец. – Того, кто осквернил убежище. Убийцу.

Разбойник взвыл, когда в его загривок впились пальцы тоо, замолотил связанными руками в воздухе, тщетно пытаясь вывернуться. Отцепив ремень от седла, Шуким поволок жертву к алтарю – присмотревшись, Аори разглядела и высеченные на глыбе руны, и темные потеки у подножия, и нечто похожее на человеческую фигурку в углублении скалы. Она моргнула несколько раз, словно песчинка в глаз попала, и на доли секунды взглянула измененным зрением.

Идол топорщился обрывками энергий, словно кто-то превратил потоки в солому, сплел из нее куклу, но не закончил

работу, оставив ости неряшливо торчать во все стороны. И, что самое странное, похожие “соломинки” покачивались в воздухе рядом с тоо, до дрожи напоминая нацеленные в его грудь стрелы.

– Молись, несчастный, – процедил Шуким. – Молись, чтобы Дзуликай оставила тебе жизнь.

Кажется, пленник его даже не слышал. Он вопил, сучил ногами, извивался, оставляя в песке глубокую канаву, но тоо волок его, словно куль, не останавливаясь ни на миг. Аори и не подозревала, что в теле араха скрывается такая сила. Караванщики двинулись следом, оставив ящеров у входа, встали вокруг алтаря, словно часовые.

В этот раз никто не пытался прогнать или остановить чужачку. О ее существовании забыли, ведь Дзуликай выбрала иную жертву.

Последние порывы ветра стихли, когда Шуким толкнул пленника на камень. Жаркая, горящая духота навалилась сверху, пытаясь согнуть людей, прижать к песку и навсегда растворить в нем.

В руке тоо сверкнул короткий кривой кинжал. Когда он успел достать его, откуда?

– Выбирай, – прорычал тоо, навалившись на пленника. – Правый, левый?

Гладкое острие покачивалось у самого его лица. Разбойник замер, впившись взглядом в кинжал так же, как пальцы тоо впивались в его шею.

– Л-л-левый, – проблеял он спустя несколько долгих секунд.

Больше всего Аори хотелось отвернуться, когда пленник закричал. Но она не могла, не имела права. Прижала руки к лицу, словно защищала свои собственные глаза, и смотрела. Как после удара тоо кинжал выпадает из опустевшей глазницы, вонзается в алтарь, будто в дерево, а не камень. Как ливнем сыплются вокруг него темные капли оттого, что пленник трясется, будто в припадке, но не может оторвать ладоней от разгорающихся рун. Как вслед за ними наливается энергией каменная женская фигурка, и от нее, будто щупальца, тянутся бесчисленные потоки через прикованного арах. В муке он запрокидывает лицо к небу, и тут же, будто ждали этого, в него вонзаются сотни парящих в воздухе “соломинок” и завершают проходящий через тело узор.

Закусив губу, Аори незаметно отступила на шаг. Если отводящий бури артефакт почует малейшие следы изменения в теле, он может втянуть в аркан и ее.

Стоило последнему фрагменту занять положенное место, как энергия водопадом обрушилась на алтарь. Вспышка, похожая на взрыв, заставила Аори на мгновение зажмуриться. И, когда она открыла глаза, ни следа не осталось от сияющего мощью аркана. Все стало прежним, скалы, песок, ветер, играющий ветками тавуки. Только арах в черном тихо стоял у широкого каменного подножия.

Перешагнув через него, тоо осторожно протянул испач-

канные кровью руки к изваянию. Бережно, словно спящего ребенка, он поднял каменную фигурку.

Искусно выполненная статуэтка пропорциями походила скорее на чужачку, чем на арашни. Вытянутая, с тонкими руками и ногами, с длинными пальцами и ногтями на них, выкрашенными золотой краской. Овальное лицо с высоким лбом переходило в острый подбородок, и правую половину его покрывали изящные цветочные узоры.

– Дзулика, мы вернем тебя домой.

Караванщики почтительно расступились, пропуская тоо.

Вернувшись к жожаку, Шуким тщательно укутал статуэтку в несколько слоев шерстяной ткани, мягкой, как волосы новорожденного, и опустил в притороченный к седлу короб.

– Всем отдыхать. Выдвигаемся на закате.

– Что с этим?

Дафа пнула притихшего пленника в бок. Застонав, он перевернулся на спину, попытался прикрыться рукой, но тут же обессилено уронил ее в песок, открывая лицо зною и взглядам.

Пустая глазница слева чернела выжженным дном, и от нее изломанными лучами тянулись во все стороны страшные выпуклые шрамы. Не свежие раны или ожоги, но будто следы их, глубоких и почти смертельных.

Отвратительная пародия на статуэтку.

– Дзулика оставила ему жизнь, – в голосе тоо звенели сталь и сожаление. – Перевяжи. Жрицы захотят с ним пого-

ворить.

Арашни улыбнулась, хищно и зло, и Аори невольно поежилась. Неизвестно, на что способны жрицы, но измененные не гнушались помощью демонов, выцарапывая крупницы истины из своих жертв.

И учили этому друг друга.

Sub7even. Listen to your soul.

4.

В ярко освещенной лаборатории царил холод. Поначалу незаметный, он забирался под одежду, пропитывал ее собой, прикасался к коже тонкими пальцами, словно приглашая вошедших остаться и разделить с ним тихий покой.

Холоду уже наскучила прежняя игрушка. Бессильно уронив голову на грудь, она сидела на стуле без спинки и никак не реагировала на ненавязчивое заигрывание.

Даже когда громко хлопнула входная дверь, мужчина не пошевелился. Длинные волосы, когда-то светлые, а теперь повисшие грязными сосульками, падали на плечи и голую грудь, закрывали лицо.

Правая штанина, разорванная в колене, обнажала металлическое соединение. И обычную ногу, и протез привязали в щиколотках к ножкам стула. Руки лежали на подлокотниках, и там, где в тело впивались ремни, под кожей проступали фиолетовые пятна.

Сбросив на руки ученице тяжелую сумку, Сиз приблизилась к пленнику и опустилась на колени. Медленно она поднесла руку к его лицу, отвела в сторону спутанные пряди волос, провела по щеке кончиками пальцев, коснулась подбородка, запрокидывая голову мужчины. Опухшие веки приподнялись, и он с трудом сфокусировал взгляд на изменен-

ной.

– Вот так-то, – улыбнувшись, ласково сказала она. – Побудь со мной. Поговори. Тебе ведь есть, что рассказать.

Мужчина облизнул потрескавшиеся синие губы. Даже сейчас, изможденный и замерзший до полусмерти, он был красив. Не совершенной красотой полумайда, но человеческой, жизненной, проступавшей и в точеных чертах лица, и в линиях мускулистого тела, во взгляде темных глаз и даже в голосе, когда пленник хрипло, с трудом ответил.

– Катись к демонам, измененная.

Он дернул подбородком, освобождаясь от захвата, и снова уронил голову на грудь.

Похлопав его по колену, Сие поднялась.

– Аори.

– Угу, – задавив вздох, ученица приблизилась и осторожно опустила сумку на пол. – Что мне делать?

– Смотреть, учиться... Задавать глупые вопросы.

Измененная присела на корточки возле сумки.

– Что он сделал? – Аори скрестила руки на груди, исподлобья рассматривая неподвижного пленника. – И что ты хочешь узнать?

Коротко хмыкнув, Сие подняла на нее взгляд.

– Его взяли в центре защиты Третьего полиса после того, как обнаружили вторжение в систему. И Магистрат не разобрался, что он успел сделать и, главное, зачем.

– Seriously? Там не умеют допрашивать? – приплясывая

на месте, Аори окинула скептическим взглядом обнаженный торс пленника.

Как он льдом еще не покрылся? Ее собственные футболка и тонкие обтягивающие брюки не слишком-то согревали, но прыгать в них всяко лучше, чем сидеть неподвижно в жестком свете потолочных ламп.

– В полисах пытки запрещены.

– А измененным, значит, можно?

– Измененным вообще много что можно.

Сиэ вытащила из сумки связку длинных черных кристаллов. Первый она оставила там, где сидела, остальные под чутким – и саркастическим – руководством расставила вокруг недоумевающая ученица.

– Непохоже на инструменты палача, – прокомментировала она, рассматривая выющиеся между направляющих потоки.

Больше всего конструкция напоминала клетку, призванную удержать пленника внутри. Зачем, спрашивается, если он привязан? Или измененная планирует его освободить?

Сиэ рассмеялась, крутя между пальцев черный кинжал с иззубренным лезвием.

– Да? Какая жалость, я так надеялась на смену карьеры... Зачем же мне его пытать, милая? Сам все расскажет.

Мужчина захрипел, дернулся, пытаясь освободиться. Похоже, пленник знал, что его ждет, в отличие от одной изменяющей.

– Сиэ, я не понимаю.

– А ты не спеши... Ты вот знаешь, в чем смысл мучить, причинять боль?

Измененная осторожно перешагнула невидимую обычным зрением границу.

– Ну... Чтобы он рассказал, что знает?

– Глобально – да, – согласилась Сиэ и убрала волосы со спины пленника. Он снова зарычал сквозь зубы, мотнул головой. Мышцы вздулись буграми, но стул даже не пошевелился.

Наклонившись над ним, измененная провела по коже кончиком острия – неглубоко, оставляя скорее царапину, чем серьезный разрез.

– Так вот, ты назвала то, чем заканчивается процесс, если он прошел успешно. Но такой результат можно получить разными способами, так почему же именно пытка?

Под руками Сиэ на спине вырастал сложный узор. Ровный и четкий, как ни пытался пленник помешать. Кровь проступала медленно, нехотя, застыв за бесконечные неподвижные часы.

– Чтобы испугался?

– В точку. Чтобы пробудить инстинкт, чтобы он затмил разум, чтобы там, где молчит человек, с нами заговорила его истинная сущность. Редко, очень редко человек оказывается сильнее, – отступив, Сиэ критично осмотрела линии и добавила пару штрихов. – Но ведь инстинктов много, Аори. И

тот, кому безразлична боль, поддастся ненависти, или голоду, или любви. Главное – подобрать ключик. Выйди из аркана.

Аори повиновалась. Следом за ней переступила через невидимую границу и Сиэ. И осторожно, как заряженную бомбу, вынула из сумки испещренную защитными рунами шкатулку.

Внутри, на мягком бархатном ложе, покоился небольшой шарик, созданный из чистого изменения. В ладонях измененной он засиял, словно карманное солнышко.

– Локальный источник, – пояснила Сиэ и сжала пальцы. – Небольшой подарок от Тавира тем, кто не может запросить поддержку Арканиума.

– Тавир и такое умеет? – поразились ученица, наблюдая, как туго свитые потоки вплетаются в тело измененной.

– За счет своей майдовской половинки. Конечно, у чистокровных патриархов получается намного круче... Ух! – Сиэ передернула плечами и взъерошилась, как кошка, вонзившая когти в мышь.

Следующий аркан Аори не уловила. Внешне измененная прочертила рукой в воздухе замысловатый знак, но ученица почувствовала, как забурлила вокруг реальность.

– Привет, малышка, – улыбнулась Сиэ.

На ее ладони дрожал сгусток тьмы, похожий на крупного слизняка. Вот только внутри него переливались алым бесчисленные энергетические центры – крохотные, не способ-

ные дать хоть сколько-то сил, но в таком количестве равноценные абсолютному бессмертию. Хотя в кашу его разотри – соберется и поползет дальше.

– Что это за гадость?

– Ты у меня завтра из-за учебников не встанешь, – пообещала измененная, любуясь питомцем. – И послезавтра. И всю следующую луну. И...

– Ну Сиэ! – взывала Аори, чувствуя, что такими темпами из-за учебников встанет согнутая радикулитом старушка с нервно дергающимся глазом. Возможно, отдельным, в стаканчике.

– Чего это она нам нукает? А? Не знаешь? – измененная наклонилась и стряхнула слизняка в клетку. – Это хаути. Маленький паразит Грани, родственник твоих любимых мар.

– Обожаемых просто...

– Они рождаются выводками. Одна самка, несколько дюжин самцов, задача которых – оберегать и кормить сестренку.

Аори резко обернулась, ощутив прокол реальности. Невесть как, но за созданной кристаллами границей ползали уже несколько слизняков.

– Они пришли за ней с Грани?

– Да. Это же их матка, их надежда. Они явились, зная, что погибнут от малейшего движения потоков.

– И зачем?

– Милая, милая... Хаути умеют пробуждать в жертве тот

или иной инстинкт. Почувяв слабость, они присасываются, как пиявки, и с этого момента человек сражается с самыми сильными желаниями. Стоит чуть уступить, и все, ты пропала. Так что теперь остается лишь дожидаться первого желания нашего гостя и удовлетворить его. А потом он все расскажет, все-все, лишь бы снова испытать это облегчение.

– Если что, – буркнула Аори, – я читала про хаути. Но мне казалось, что они крупнее.

– Ты, наверное, читала про взрослую самку. Она попробует сменить форму после того, как сожрет остальной выводок. И, если достаточно разжирела, из паразита превратится в симбионта. Обретет разум, проще говоря. Когда найдет подходящего носителя – встроится в его тело, разрушив связи, и постепенно вытеснит сознание. Будет прежняя оболочка по земле лапками перебирать... или ножками... а внутри – совершенно другой управляющий.

– Брр, – поежилась Аори. – Звучит мерзко.

– Самое мерзкое, – охотно поддержала измененная, – что она впрыскивает паралитик, и ты даже не почувствуешь, что у тебя на спине кто-то болтается, пока не будет слишком поздно.

Аори поспешно отвернулась, чтобы измененная не видела ее лица. Как она вообще держала эту гадость в руках?

За невидимой границей уже ползал добрый десяток слизней. Одна тварюшка коснулась перемазанного грязью ботинка на металлической ступне, и тут же сжалась в комок, слов-

но обожглась.

– Силен, – проследив за взглядом ученицы, Сие понизила голос. – Он действительно силен. Не боится нас, не сожалеет о прошлом, готов умереть ради своих целей. Его решимость отпугивает хаути. Ну, ничего. Подождем. Аркан притянет их, рано или поздно. И ты даже не представляешь, с какой скоростью нападает демон, когда чувствует добычу.

Измененная тихо рассмеялась, не разжимая губ, и Аори стало не по себе от этого злорадного смеха. Впрочем, дрожать она начала не от страха.

– Холодно... Это обязательно?

– Отсутствие комфорта – это минус один слой защиты, – измененная вздохнула и энергично растерла плечи. – Дверь возле окна видишь? Это комната отдыха, с той стороны стекло прозрачное. Иди грейся. Я тебя позову, как окончательно замерзну.

– Пошли вместе.

– Соблазнительно, но нет. Кто знает, когда нашего гостя попробуют на зубок.

Поначалу Аори наблюдала из-за стекла, как, не обрадовавшись новой компании, пленник пытается освободить хотя бы ноги, чтобы раздавить слизней. Когда ничего не вышло, он несколько раз плюнул в их сторону от бессильной злости. Когда же закончилась слюна – перешел на проклятия, неслышимые за прозрачной преградой. Судя по усмеш-

ке Сиэ, устроившейся на стуле задом наперед, – еще и довольно изобретательные. Она то склоняла голову набок так, что прядь длинных волос падала на лицо, то пристраивала подбородок на кулаках. Время от времени измененная по очереди вытягивала ноги, разминая, и снова замирала на своем посту. Аори задремала в кресле, наблюдая за ней.

Очнулась изменяющая от тихого щелчка, когда открылась дверь. Повинуясь жесту подруги, молча вышла, прихватив с собой жесткий, почти не дающий тепла плед.

И весь промозглый холод комнаты собрался в одном взгляде, которым Аори встретил пленник.

Ближе к полуночи он притих, и хаути осмелели. Они поползли по ботинкам, несколько штук скрылись под тканью штанов, остальные продолжили свой путь вверх, к спине, где пахло кровью и алел манящий их аркан. Аори невольно покосилась в сторону двери. Хоть Сиэ и пообещала, что обязательно почувствует, когда что-то изменится, и придет на помощь, но мало ли... Позвать? Нет?

Сбросив плед, изменяющая поднялась со стула, переступила с ноги на ногу, разминаясь.

– Аори... Тебя ведь так зовут?

Она подпрыгнула на месте от неожиданности, и пленник едва заметно улыбнулся.

– Поговори со мной, – хрипло попросил он. – Полчаса, час, и все закончится, так почему я должен прожить его молча?

Аори закусила губу, глубоко вдохнула, выдохнула.

Разговоры с пленными всегда плохо заканчиваются, если верить книгам и фильмам. Ха! Ни в одной книге не напишут о такой бестолковой жизни, как ее собственная. И пленник мог заговорить лишь потому, что ему этого очень, очень захотелось.

– Ты не кажешься испорченной, ты еще не потеряна. Что ты делаешь в этом змеином гнезде? Беги отсюда, девочка, спасайся, пока не поздно.

В конце концов, он привязан.

– Так поговорить или бежать?

– Ты поймешь, ты узнаешь, что происходит в этом мире, когда будет слишком поздно. Тебя оплетут, маленькая змейка. Ты вспомнишь о том, кто не стал магом, но будет слишком поздно.

Он поерзал на неудобном стуле, тряхнул головой.

– Я не заслужил даже справедливости. Даже суда! Даже слова... ты первая, кто меня слушает. Меня обвинили непонятно в чем, бросили в клетку, приволокли сюда, отдали демонам... Что я сделал? В чем моя вина? Почему, за что?! Ты знаешь?

Его губы задрожали, когда пленник поймал взгляд Аори.

– Даже ты не знаешь, – прошептал он так горько, словно понял, наконец, что дороги назад нет. – Служишь им и не задаешь вопросов. Может, так и стоит жить.

И рассмеяться бы в ответ, да вот только не врет он.

– Тебе не плевать на мою жизнь? – Аори скрыла растерянность за показной злостью. – На свою оглянись. Самое время.

– Мне было пятнадцать, когда я упал в озеро, – голос пленника немного окреп. – Я, как дурак, прыгал по камням на берегу. Под ботинком камень, вросший в тину. Он вывернулся под моим весом и полетел следом. Все произошло слишком быстро, помню только шок, удар об воду, и еще один удар следом. В колено. Я лежал на дне, пытался освободиться, там же неглубоко, как же глупо... Я думал – неужели все, конец?

Аори молчала, не зная, что сказать.

– Я пришел в себя на берегу. Первое, что помню – ноги. Ноги, ноги, ноги частоколом вокруг. Второе и последнее – боль. Я держался, сколько мог, но помощь так и не пришла. У изменяющих нашлись дела поважнее умирающего мальчика. Неделя в коме. Без дыхания, почти без надежды. Они пришли, когда от моей ноги осталось полпальца. Смешно, да? Но я проснулся, зная, что моя жизнь для чего-то нужна. А кому нужна твоя, Аори?

Он закашлялся, едва ли не выворачиваясь наизнанку. Долгим, сухим кашлем старика.

– Воды, пожалуйста, – с трудом выдавил пленник, обессиленно сгорбившись. – Пожалуйста, дай мне воды...

Графин сверкал прозрачными гранями на столе у выхода, рядом стояла единственная неглубокая пиала. Аори попяти-

лась, не выпуская пленника из поля зрения. Руки дрожали от волнения, она едва не опрокинула посудину, плеснув с размаху, и разлила половину.

– Развяжи хоть руку, – когда Аори вернулась, пленник поднял на нее отчаянный, полный мольбы взгляд. – Последний глоток воды... Хоть его я могу выпить, как человек? И ты посмотришь, как я буду умирать.

– Спасибо, нет, – буркнула изменяющая и осторожно переступила границу клетки.

Слизни неохотно отодвинулись, чувствуя одновременно и опасность, и свежую интересную добычу. Их маленьких умишек не хватало понять, что прищелица может уничтожить их всех, даже не задумываясь.

Когда Аори попробовала поднести пиалу к лицу пленника, тот отодвинулся и сжался, словно ждал, что изменяющая его ударит.

– Ты сам просил пить! – разозлившись, она едва ли не ткнула посудиной ему в лицо.

– Да, да... Прости.

Пленник поднял голову, ухватил губами край пиалы, сделал жадный глоток. Вблизи Аори поразились, насколько у него длинные, густые ресницы. Тень от них легла на фиолетовые круги под глазами, когда пленник опустил веки.

Ноги коснулось что-то холодное, и Аори, вспомнив о хаути, рефлекторно перевела взгляд вниз.

Ее щиколотки касался носок ботинка, вывернутого под

неестественным, невозможным для человеческой плоти углом.

Резким звериным движением пленник подался вперед и впился зубами в тонкое запястье.

Изменяющая не распылила его на месте лишь потому, что натурально остолбенела на несколько секунд. По локтю потекло горячее, внутренний голос взвыл что-то очевидное о том, что так и знал, и Аори, наконец, заорала ему в унисон.

Упав на пол, раскололась надвое пиала, забрызгав ноги водой.

– Гад! Пусти!

Пленник, не разжимая зубов, затрясся от безумного хохота. Он сжимал запястье воистину мертвой хваткой, и даже от слабой попытки освободиться боль вспыхнула и оглушила до темноты в глазах.

Почти ничего не соображая, Аори вскинула свободную руку. По пальцам пробежали огоньки, и шепоток хаути в сознании превратился в обреченный вой.

– Нет... нет!

Изменение угасло, и Аори ударила пленника открытой ладонью в лоб. Раз, другой... бесполезно. Он не обращал внимания на боль. Как просто было бы убить, выдавить глаза, свернуть нос, чтобы захлебнулся своей собственной кровью, а не ее, передавить бьющуюся на горле жилку.

Так вот чего ты хочешь на самом деле!

Пленник принялся грызть ее руку, перекатывая на зубах,

будто собака – кость. Зарычал с бешеной злостью, горбясь под ударами, и не отпуская. Кровь падала на пол частой капелью, и хаути сползались на неожиданное пиршество со всех сторон.

Хлесткий удар открытой ладонью пришелся по уху, вбивая воздух внутрь. Пленник заорал, выпучив глаза, а Аори рухнула на спину, чудом не сбив ни один из кристаллов. Со стоном она схватилась за искалеченное запястье – казалось, зубы остались внутри и продолжали свою работу.

Сизэ схватила подругу за плечо, помогая сесте, и осторожно разжала ее пальцы.

– О, боги! Потерпи, милая. Сейчас...

Пожирающий руку огонь то разгорался, вгрызаясь все глубже, то затихал, уступая исцелению. Аори отвернувшись, не желая смотреть, как медленно и неохотно срастаются ошметки ее собственного тела.

– Ничего, ничего. Все будет хорошо, милая. Все будет хорошо, обещаю. Еще немного.

Аори подняла на подругу недоверчивый взгляд. С каких это пор измененным не все равно, что чувствует объект?

Рыжие глаза так близко, и они полны вины. Тонкие пальцы пляшут в воздухе, подхватывая и восстанавливая потоки, и боль отступает, оставляя после себя горькое сожаление. У тебя ведь тоже особые отношения с ней, Сизэ. Ты упиваешься искренностью боли, я же принимаю ее всей душой. Я невинна в эти моменты, мои ошибки пусть не исправлены,

но уравновешены.

Пусть тяжело дышать от засевших в груди пуль, но я знаю, что ты права. Что все сделано не зря, что я не ошиблась, открывшись и доверившись тебе. Пусть твои пальцы снова и снова отгоняют этот призрак. Я вытерплю, что угодно, лишь бы ты была рядом.

Рваные выпуклые рубцы на запястье уже не болели. Аори дотронулась до щеки подруги, и та замерла, не закончив изменение.

– Что бы я без тебя делала?

– Милая... Прости.

– За что?

– Что меня не было рядом.

– Ты же пришла, – Аори прижалась к измененной, запустила пальцы в теплые даже в стылой лаборатории светлые пряди. – Ты пришла.

– Не верь ей, змейка, – пленник снова зашелся полубезумным истеричным смехом на своем стуле, щеря окровавленные зубы и не обращая внимания на стекающую из уха темную струйку. – Ты не знаешь, кто дал приказ атаковать тебя, кто управлял мной, кто дергает за веревочки на твоих ручках!

Сизэ на мгновение зажмурилась.

– Клянусь, я никогда тебя не обманывала. И не буду, и не позволю никому. Ты мне веришь?

– Конечно, верю, – удивилась Аори, продолжая переби-

рать в пальцах ее волосы.

– Глупая, глупая девочка, которая никогда не видела, как первая волна накатывает на полис. Почему Арканиум защищает не живых, но выживших?!

– Какая разница... – Аори коснулась губами шеи измененной.

Там, у бьющейся синей жилки, белел едва заметный шрам. Память о временах, когда умений Сиэ еще не хватало на себя саму. И тело уже не помнило, как быть здоровым, когда они появились.

Просто исцелять глубокие раны, но так сложно закончить восстановление так, чтобы от них не осталось и следа. Но Сиэ удастся это тонкое, чуткое изменение. Она чувствует чужое тело, как свое собственное, и не только там, где нужна магия. И с ней ощущаешь себя, как с самой собой – беззащитной, спокойной, доверчивой, смелой...

Сиэ... Она стала первой для меня, а я, наверное, – сотая или тысячная. У измененных не бывает спутниц, лишь короткие, не обязывающие ни к чему союзы, и я не знаю, сколько мы будем вместе. Я не хочу думать о том дне, когда мы расстанемся, и все время думаю. Я не хочу, чтобы он наступал. Не хочу.

– Не оставляй меня.

Ее губы теплые, мягкие, но почему они не отвечают? Неужели этот день – сегодня?

Сиэ крепко взяла подругу за плечи и отстранила от себя.

Глаза Аори горели лихорадочным огнем, губы дрожали.

– Не оставляй меня! – закричала она в отчаянии. – Я сделаю все, что ты хочешь, только не уходи!

Пять секунд на сканирование... Сие сама забыла о них, разбуженная не криком и не вспышкой изменения, но каким-то сто пятьдесят девятым чувством, всегда выручавшим в момент опасности.

– Да это прямо комбо какое-то, – уныло пробормотала измененная и одним движением стянула с ученицы футболку.

– Не смущайтесь моим присутствием, девочки, – пленник уже рыдал от смеха. – Я подожду!

Аори поспешно схватилась за продетый в брюки ремень. Она и впрямь готова на все, готова исполнить любое, самое безумное желание... Вот только хочет ли этого сама?

Сжавшись в несколько раз, хаути присосался к пояснице у самого позвоночника, напоминая уродливое родимое пятно. Один щелчок пальцем – и паразит отвалился, тяжелый, как камень, и такой же живой. Сие раздавила его каблуком без всякой жалости.

– Я же обещала, что все будет хорошо.

Аори спрятала лицо в ладонях, и измененная сгребла ее, словно ребенка, и прижала к себе, баюкая.

– ...подвела тебя, – глухо прозвучало из подмышки Сие. – Опять все испортила.

– Да неужели? – она смотрела поверх головы подруги. – А мне вот кажется, кто-то очень хотел отомстить измененным.

Очень.

– Готов?

Аори ужом вывернулась из рук подруги и вскочила. Как давно Тавир здесь? Судя по вопросу – только что явился, беззвучно, словно призрак.

– Полностью, – спокойно ответила Сие.

Полумайд обошел ее по широкому кругу, не отводя взгляда от грызущего губы пленника. Слова так и рвались, так и рвались, но он удерживал их внутри, терзая собственную плоть.

Опустившись на колено, Тавир мазнул пальцами по пятнышку крови на полу и прикоснулся к ним кончиком языка, пробуя. И, резко вскинув голову, уставился на длинноволосого. Бледные губы разошлись в широкой многообещающей улыбке, и пленник едва сдержал крик, рассмотрев короткие белоснежные клыки.

– Приступай.

– Погоди. Аори...

– Конечно же, должна уйти, – вздохнула изменяющая.

– Ты можешь остаться, хоть я и против. Услышать все, что он скажет, и влипнуть еще и в этот мир. Хочешь?

Аори молча покачала головой.

– Я верю тебе, Сие. Верю.

– Я полагал, что Аори не будет отвлекаться, – заметил Тавир, когда она уже не могла услышать.

– Не будет, не будет, – насмешливо подтвердила изменен-

ная. – Я лишилась всего ради нее, и имею право пусть не на плату, но хоть на... удовольствие.

– Собираешься ей об этом напоминать?

– Иногда. Когда будет упрямиться.

Тавир без улыбки кивнул. Зная пристрастия Скверрти, возмутиться Аори может очень быстро.

Или нет. Чтобы сказать наверняка, надо знать, что нравится самой изменяющей, а такими данными Тавир еще не обладал.

– Тебе будет больно, когда она уйдет.

– Весьма на это рассчитываю.

Сизэ прищурилась, глядя вдаль сквозь Тавира, и он пожегил под этим немигающим взглядом.

Размытое пятно солнца успело коснуться скалистого гребня, когда Шуким дал команду собираться. Мрачные арахиды едва шевелились – выпастись в пропахшем дымом убежище, на закопченном песке вместо мягких ковров, не удалось никому. Тоо вовсю упражнялся в изощренной ругани, но особой пользы от его выразительной эквилибристики Аори не заметила. Разве что словарный запас увеличила, но благоразумно промолчала о своих успехах.

Украшенный кольцами повод мелодично звякнул, когда Шуким перекинул его через шею вожака. Ящер нетерпеливо переступил с ноги на ногу, всхрапнул, ожидая, что тоо взлетит в седло, едва коснувшись шипа на сгибе лапы, протяж-

но крикнет, и караван отправится в путь. Но друг почему-то медлил, напряженно разглядывая пахнущую другим миром чужачку. Та, не обращая внимания на суетящихся арахов, осторожно гладила жоака по чешуйчатой морде, несколько примиряя с фактом своего существования.

– Поедешь со мной, – решил Шуким, наконец. Придется следить сразу за двумя, но караван и так потерял ящера, и ослабить его еще больше попросту невозможно.

Аори удивленно вскинула на него взгляд.

– Мне все так же нечем заплатить.

– О, во имя Харру! Почему он вложил в твой рот слова, но не дал мудрости ими не пользоваться?

Аори невольно улыбнулась и почесала ящера за длинной колючкой на краю челюсти.

– Спасибо, тоо.

Ответ она не расслышала. Вожак внезапно вскинул морду, оттолкнув руку чужачки, и огласил окрестности рыкающим ревом.

Арахи едва ли не одновременно замерли, забыв о сборах. Выхватив сабли, Шуким развернулся на пятках, и следом за ним обернулась и Аори.

Ящер с опаленной огнем мордой застыл на вершине дюны, едва различимый на фоне темно-серого неба. Он застонал в ответ, виновато и скорбно. Песок осыпался под неуклюжими лапами, и беглец скорее съехал, чем спустился, к своей стае. Припадая на правую лапу, он доковылял до жоака и ткнул-

ся лбом ему в бок. Черный рыкнул раз, другой, и, высунув длинный язык, принялся зализывать раны повизгивающего от боли сородича.

– Вернулась-таки, – вздохнул Шуким и с лязгом вогнал сабли в седельные ножны. – Снимите с нее груз. Орхон!

Знакомый Аори голубоглазый караванщик склонил голову, ожидая приказа. Совершенно очевидного – как ни жаль терять ящера, тем более боевого, тот не сможет идти в караване без погонщика. И, направив друга на последний путь, тоо не позволит себе милосердия. Законы Харру жестоки, но это – законы жизни.

– Поведешь ее.

– Ее? – поразился арах. – Но как же мой... Он еще детеныш!

– Закрепи седло, – в глазах тоо появилось недоброе выражение, а на губах – кривая усмешка. – На нем поедет Аори.

– Я?! Тоо, я не умею...

– Во имя Харру! Орхон покажет, что делать. Исчезни с моего пути до восхода, женщина!

Голубоглазый не рискнул возражать дальше. Вместе с другими караванщиками быстро снял с раненого ящера защиту, и, пока Дафа возилась с его мордой, разгрузил собственного – мелкого, с толстыми лапами и лобастой, как у породистого щена, башкой.

Плохая примета это, менять ящера в походе, но арах и так переступил отмеренный порог дерзости. С приказами тоо не

спорят. Пройди сотни дней по горячему песку, собери свой собственный караван и тогда будешь решать, как проложить путь. Почти непосильная задача, и тем больше уважение к тому, кто ее одолел.

Орхон подтянул ремни, фиксируя седло. Даже самый ловкий новичок не выдержит переход на крутящемся во все стороны насесте, что уж говорить о чужачке, которая мнетя сбоку, не понимая даже, как на него забраться. Арах предложил руку и залился краской, когда Аори без колебаний ей воспользовалась.

– Он сам пойдет за вожаком, – пробормотал Орхон, вытирая вспотевшие ладони о полы фарки. – Просто не трогай поводья.

Чужачка сверкнула на араха яростным взглядом.

– Я, вообще-то, не заразная!

Сначала он не понял, а поняв, сложил предательские руки на груди и коротко поклонился.

– Прости, ши. Не хотел тебя обидеть.

Он коротко коснулся ладонью края ее фарки и отступил, не поднимая ярких, как небо Астрали, глаз. И, вместо торжества или удовлетворения, Аори почувствовала себя неимоверно мерзко. Словно котенка ударила.

Раздраженно фыркнув, чужачка поерзала в седле. Демоны, как не свалиться-то? За спиной тоо, в предназначенной для грузов выемке сиделось куда удобнее. Бросив косой взгляд на Дафу, Аори согнула ноги, упираясь ими в изгиб

седла, сжала колени и наклонилась вперед. Стало удобнее, но ненадолго, да и рубец на животе заныл, напоминая о “не бегать, не прыгать, не драться”.

Веселенький переход намечается; впрочем, не у нее одной.

Разбойник лежал на песке в опасной близости от тяжелых лап вожака. Он откинул руку вбок, и снующие между ящерами арахы то и дело ругались, вынужденные через нее переступать. Единственный глаз бездумно смотрел в небо через узкую, едва заметную щель между бинтами. Дафа намотала их в таком количестве, что голова арахы напоминала улей, и Аори невольно присматривалась, не вылетит ли оттуда прикормившая с зимы пчела.

Вот как Шукиму удаются такие вопли? Их что, на специальных курсах тоо вокалу обучают? Чужачка едва успела вцепиться в ремень, когда ящер рывком поднялся. Переваливаясь с лапы на лапу, он доплюхал до вожака и встал рядом. Позади слышалось тяжелое сопение, но Аори не рискнула оборачиваться.

Ткнув факелом в остатки костра, тоо вскочил в седло, и, когда село солнце, на долгие часы в крошечной тьме остались лишь крохотные островки света. Кусок чешуи, поделенный ремнем пополам, когда идущий рысью ящер наклонялся вправо. Потом он переваливался на левую сторону, и факел выхватывал шип на сгибе лапы и тень от него на песке.

Аори один-единственный раз взглянула вверх. Так хоте-

лось увидеть звезду, но какие звезды за пылевой дымкой, если даже лучи ближайшей не могут толком пробиться? Темнота давила, и небо постепенно забылось. Аори невольно пригибала голову, словно ящер брел в подземелье, и потолок опускался все ниже, и вот-вот она ударится о него макушкой. Поспешно наброшенный капюшон фарки не слишком-то помог от отнимающей силы иллюзии, но оказался совсем не лишним.

Как быстро, как резко похолодало. На мгновение потеряв из виду факел, Аори едва сдержала испуганный вскрик. Если ящер свернет, слабый огонек скроется за дюной, оставив их наедине со всеми демонами песков.

Они не нападают на Священном пути, единственной дороге, по которой в ночи бредут караваны. Они не нападают, Аори, успокойся уже. Никто не ринется наперерез, не стащит Шукима с седла, его факел не упадет и не погаснет в ту же секунду, когда под эхо отчаянного крика оборвется его жизнь.

Руки намертво прилипли к ремню, и только поэтому Аори не дотронулась до сережки. Беспомощность бесила, унижала, распыляла внимание. Если на караван действительно нападут, придется рассчитывать только на человеческие умения. Как арахы так живут? Как сама Аори так жила все те годы до того, как проснулся дар?

Живут, и ты сможешь. Хватит ныть, изменяющая, держись за дебильный ремень, сжимай коленями дебильное сед-

ло на дебильном ящере, и наслаждайся тем, насколько ярок твой мир.

Интересно, как там разбойник. Бредет еще, шатаясь, или упал и не смог подняться? Вожаку без разницы, тянуть его за собой или волоочь по песку, оставляя неглубокую борозду. Шуким укоротил ремень, чтобы арах не попал под лапы идущему следом ящеру с бесполезной чужачкой на спине, но даже не подумал взять несчастного наверх, пусть даже и в виде перекинутого поперек шипастого хребта тюка. Жизнь разбойника вручили Дзуликой, кем бы там она ни была, и тоо не стремился помогать своим богам.

Пока не стемнело, Аори смотрела, как разбойник переставляет ноги – медленно, слишком медленно, вожак то и дело натягивал ремень. Арах спотыкался, едва не падал, но выравнивался и делал еще несколько шагов до следующего рывка.

Когда караван тронулся, он обернулся, раздвинул двумя пальцами пропитанные сукровицей бинты. Аори так и не поняла, что разбойник хотел увидеть. Ее ли, такую же пришлую, но по чистой случайности получившую из рук тоо и жизнь, и защиту, и свободу? Или прощался с теми, чьи тела свалили кучей на радость стервятникам? Они слетелись, один за другим, стоило караванщикам закончить грязную работу, и приступили к пиршеству. Те, кто летает высоко, всегда смотрят вниз. И следят друг за другом, чтобы не упустить возможность урвать кусок.

Темнота все сжималась. Сжималась и никак не могла сжаться. Тихо вздохнув, Аори закрыла глаза.

Все, ты победила.

И, словно в благодарность, ночь проглотила оставшиеся минуты пути. Караван остановился, повинаясь крику тоо, и сквозь ресницы пробился тусклый свет. Аори отбросила капюшон за спину и выпрямилась, щуря слезящиеся от усталости глаза.

Свет факелов отражался в гладкой, как зеркало, воде. Когда один из ящеров приподнялся на задних лапах и ухнул передними об землю, по поверхности прошла легкая дрожь. Рябь исчезла спустя несколько секунд.

Щеки коснулся влажный ветер. Он принес с собой запах ила и мокрой коры, шорох пальмовых листьев и треск факелов. Караван застыл в немом молчании, еще не вынырнув из монотонного ритма перехода, и даже ящеры дышали в унисон.

Тоо первым спрыгнул с седла, перекинул повод через голову вожака и подвел его к воде. Остальные арахи потянулись следом. Аори попыталась слезть, но бедра и икры свело судорогой, и она замерла, кусая губы.

Всхрапнув пару раз, ящер сам добрел до водопоя, окончательно уяснив, что можно не обращать внимания на дополнительный груз сверху.

– Ты там приклеилась? – ворчливо поинтересовалась Дафа, перебрасывая повод из руки в руку.

– Не могу слезть, – призналась Аори.

– Не только чужачка, а еще и трусиха.

Арашни шагнула к ней и похлопала сербающего ящера по шее.

– Дай руку.

Не ожидая подвоха, Аори протянула ладонь. Дафа сжала ее, как тисками, и одним рывком сдернула наездницу вниз, прямо в воду.

Возмущенный вопль взлетел над пустыней, но попытка вскочить и надавать низкорослой сволочи по шее окончилась полным провалом – ноги разъехались, и чужачка плюхнулась обратно, взбив грязь. Арашни заливисто хохотала, от избытка чувств шлепая себя по ляжкам, и из темноты ей вторили голоса мужчин.

– Тебе смешно?! – воскликнула Аори, кривя дрожащие губы. – Это действительно смешно?

Ящер наклонил башку, обнюхивая сверзившееся с него нечто. Утратив от усталости всякий страх, Аори ухватилась за выступ его челюсти и кое-как поднялась. По бедрам потекли струйки воды, фарка прилипла к заднице, а иголки в ногах разрослись до настоящих кинжалов. Сжав зубы и цепляясь за сбрую, Аори мелкими шагами добралась до берега под насмешливым взглядом арашни.

– Не забудь все высушить и вычистить, – Дафа оперлась спиной на надувшийся живот своего зверя. – В седло не садятся, когда жопа в говне.

– Ну хоть не мозги, – прошипела Аори в ответ. – Их-то ты уже не отчистишь.

– Твое счастье, что я не трогаю тех, кого лечила.

– Вот и я том же. Ума на ответ не хватает, да? Ну ты не переживай, зато ляжки крепкие, после перехода не болят и мужикам нравятся.

Оказывается, даже на коротких, кривых ногах арашни умела двигаться со скоростью ветра. Щеку обожгла пощечина, а в горло впились короткие и невероятно сильные пальцы.

– Ты льешь на сковороду черное масло, чужачка, – Дафа подтянула Аори к себе и цедила слова прямо ей в лицо. – Умереть желаешь?

Она чуть ослабила хватку, ожидая ответа. Аори втянула воздух, но и не подумала вырываться.

– Рановато, конечно, но почему бы и нет? Можно только побыстрее?

Насмешливо искривив губы, Аори подняла на уровень лица кинжал Дафы. Она удерживала его двумя пальцами за тяжелый шар на конце рукояти. Алые блики факелов заплясали на идеально острых гранях лезвия, когда Аори издевательски покачала кинжалом в воздухе.

– Змея!

Арашни оттолкнула чужачку, одновременно выхватив из ее руки кинжал, и со скрежетом вогнала его обратно в ножны. Окинув Аори ненавидящим взглядом, Дафа ногой

швырнула в нее грязный песок, схватила повод и потащила невозмутимого ящера прочь, туда, где прочие караванщики разжигали круг костров. Зверь переступал медленно, явно утомленный тяжестью корзин на боках.

– Поговорили, называется...

Аори посмотрела вслед арашни и тихонько вздохнула.

– Почему ты не защищалась?

О, вот и Шуким. Прочие караванщики пропустили разыгравшееся между двух ящеров представление, но у тоо работа такая – все замечать.

– Что бы хорошего из этого вышло? И Дафа права. Я действительно сказала лишнее.

– Зачем?

Аори пожала плечами. Откуда она знает... Разозлилась, устала, ничего лучше в голову не пришло.

– Почему она меня ненавидит?

– Ненавидит? – усмехнулся тоо. – Тебя? О, нет. Дафа ревнует к любой женщине, на которой нет ошейника рабыни.

Ящер фыркнул на воду и принялся обнюхивать разошедшиеся круги. Повод упал и намок, и, когда Аори попробовала дернуть за него, склизкая кожа выскользнула, обжигая ладони.

– Ну и что мне с тобой делать? – поинтересовалась она у чешуйчатого зверя.

Тот, словно понял, покосился на чужачку янтарным глазом, развернулся, едва не задев ее хвостом, и потопал к стае.

– Пойдем, – тоо мотнул головой в сторону костров и поправил ободок куфии. – Время подкрепиться и поблагодарить Харру за прожитый день.

– И как благодарить будем?

– Я поведаю сказку об отшельнике и молодом тоо. А ты будешь слушать, молча и почтительно. И переоденешься! Я разорюсь на твоих нарядах...

Хоть Шуким и выглядел предельно серьезным, Аори все же не удержалась от улыбки. Тоо хитро подмигнул в ответ и первым умчался к кострам – командовать, присматривать, успокаивать и вообще всячески заботиться о братьях и сестрах, какими бы вздорными, глупыми или просто бестолковыми они ни были.

Dido. Let Us Move On.

5.

– Давным-давно, когда небо было синим, реки – глубокими, дороги бежали в тени деревьев, а люди не спешили проживать каждый день, как последний, в горной деревне умер старый тоо. Караван его достался единственному сыну, которого подарил Харру на склоне лет. Не был он особо умен, но не был и глуп; не отличался смелостью, но и не бежал от опасности; не знал лучших маршрутов и товаров, но хорошо умел считать книры.

Старый тоо многому не успел научить молодого, и потому, проводив отца, на рассвете следующего дня он отправился в путь. Не во главе каравана, а по едва заметной тропинке, огибавшей самую высокую гору. Вершина ее терялась в облаках, и где-то там, в преградившей дорогу дымке, прижалась к скале хижина древнего отшельника.

Молодой тоо шел, шел, и в полдень постучал в поросшую мхом дверь.

– Входи, сын мой, – прозвучало изнутри.

Почтительно склонив голову, молодой тоо перешагнул порог. Старик, древний, как само время, морщинистый, как кора даарше, сидел на ковре у стены, и борода его тянулась до самого пола.

Гость опустил перед ним на колени и выложил один за

другим богатые дары. Чего там только не было! Лампа для масла, украшенная листьями из чистого золота, привезенная отцом тоо из далекой холодной страны, где солнце ненадолго поднимается над горизонтом лишь несколько лун в году. Ковер, сотканный немymi мастерицами с острова, где всегда цветут деревья и летает паутина. Пять кошель золотых книр, все равного веса, и каждая – за прекрасную рабыню, проданную на рынке Ше-Бара. Птица с алыми крыльями, которая поет лишь раз в жизни, но нет ничего прекраснее ее пения.

Переведя дыхание, Шуким хитро покосился на Аори. В отличие от зачарованных напевной речью караванщиков, чужачка уже сложила две книры с тремя и скептически приподняла искривленную шрамом бровь.

– Так вот, как я и сказал, всего этого там не было, – продолжил Шуким, с удовольствием наблюдая, как вытягивается светлокожая мордашка. – Молодой тоо, знаешь ли, не грузовой ящер. Пройдя по горной тропинке, он принес с собой лишь одну кнiru и немного еды, справедливо рассудив, что старику многого не надо, да и золотом он не наестся.

Окинув взором две подсохшие буханки хлеба, горсть фруктов и кувшин забродившего вина, отшельник незаметно усмехнулся в бороду.

– Говори, сын мой.

– Как стать хорошим тоо? – спросил гость со всем нетерпением юности, забыв и о приветствии, и о почтении, и во-

обще обо всем, что отличает мудреца от глупого ребенка. – Лучше всех!

Но отшельник за долгие годы жизни отрастил не одну лишь бороду, но и воистину нечеловеческое смирение.

– Вставай рано, сын мой. Начинай путь в первых лучах солнца, поблагодарив Харру за новый день.

– Ага, спасибо!

Вскочив, молодой тоо небрежно поклонился и выскочил из хижины – он хотел вернуться домой до сумерек.

– И дверь закрой, дует! – крикнул ему вслед отшельник.

Гость то ли не услышал его, то от не захотел услышать, так что пришлось старику самому подниматься. Заодно и вина налил.

Араху дружно рассмеялись, а Шуким прервался и многозначительно посмотрел на сидящую рядом Дафу. Та моментально выхватила откуда-то из-за спины пузатый кувшин, налила до краев в большую чашу и пригубила первой.

Аори невольно улыбнулась, представив, как бы отреагировал тот же Реодор, вздумай официанты хлебать из его бокала. Король бы скорее предпочел, чтоб его отравили.

Но для тоо караван – семья, а не прислуга. Араху сидят, сгорбившись на жестких циновках, черные от усталости, от пыли и от природы, с глубокими тенями под горящими утомленными глазами. Вроде бы открытые, общительные, но никогда не скажут всей правды, заплетут тебя словами так, что и забудешь, с чем пришла. Разве что Дафа процеживает слова

сквозь сито ненависти, и они становятся искренними против ее воли.

Все, все, как один, арахы учатся у своего тоо. Не стремясь к совершенству, но пытаясь успеть как можно больше, объять пустыни своих жизней, понять, как проложить в них путь.

Напившись, Шуким пустил чашу по кругу. Каждый из караванщиков делал глоток и передавал дальше. Не обошли и чужачку – арах с улыбкой протянул посудину. И, стоило принять, тут же отвернулся к соседу, обсуждая услышанное.

Сухое, маслянистое вино горчило.

Когда опустевшая чаша вернулась к Дафе, Шуким поерзал, устраивая скрещенные ноги поудобнее, и продолжил.

– Добравшись домой, молодой тоо как следует отдохнул, собрал караван и спустя три дня пустился в путь еще до восхода. Шел караван, шел, да и заплутал. А как выплутал и дошел, так уже все лучшие товары раскупили, и не было для тоо хороших сделок. Покрутившись по базару, так он ничего и не надумал, и вернулся домой без прибыли.

Поразмыслив, спустя несколько лун молодой тоо снова перешагнул порог обветшалой хижины. Отшельник так и сидел на лавке, словно и не вставал, и не пил вина.

– Говори, сын мой, – велел он, внимательно рассматривая украшенную золотом лампу, что принес гость в этот раз.

– Хорош был твой совет, отец, но чего-то не хватает, – пожаловался молодой тоо. – Мой караван начинал путь с пер-

выми лучами солнца, но я все равно опоздал.

– Надо еще и знать, какой путь выбираешь.

В этот раз гость не только поклонился, но и дверь плотно закрыл. А старик зажег в лампе огонь и долго любовался, как его отблески пляшут на золотых лепестках.

Внимательно изучив карты, молодой тоо выбрал самый короткий маршрут – напрямую через пустыню. В утренней прохладе ящеры ступали быстро и легко, но ближе к полудню песок раскалялся, обжигал лапы, а людям и вовсе нечем было дышать в огромной пустынной печи. Караван потерял двух погонщиков и половину припасов, и молодой тоо вернулся домой еще беднее, чем был. Но оставались еще отцовские сокровища, и потому он снова прошел по каменистой тропинке, скрытой облаками. Ковер цеплялся за выступы скалы на поворотах, но молодой тоо был упрям и силен.

– Что же мне делать? – спросил он, выпив третью чашу вина в компании отшельника. – В чем я ошибся?

– Ты не рассчитал свои силы, сын мой, – степенно ответил хозяин хижины.

Они просидели дотемна, и молодой тоо остался ночевать на мягком ковре, сотканном немymi мастерицами с острова, где всегда цветут деревья и летает паутина.

Караван вышел на рассвете, и выбран был не самый короткий, но самый лучший путь, и в досталь было воды и тени, чтобы в ней отдохнуть. И спали на привалах и люди, и ящеры, и набирались достаточно сил для перехода. Но одна-

жды на караван напали разбойники, и не было стражи, чтобы их отпугнуть, и не было смелости, чтобы защититься. Разбойники взяли столько товаров, сколько захотели, а захотели они все.

Молодой тоо прятался под упавшим шатром, пока чужие голоса не стихли. С трудом изловив ящера, вернулся он домой.

Четыре мешка книр потратил несчастный, собирая новый караван, а еще один повесил на пояс, чтобы оставить руки свободными. В тот день облака опустились низко, и карабкаться по скользкой тропинке стало смертельно опасно.

– Говори, сын мой, – охотно предложил отшельник.

Его борода отросла еще больше, и ее конец лежал на земляном полу. Но глаз остался таким же острым, и старик тщательно пересчитал книры прежде, чем спрятал мешок в рассохшийся сундук.

– Мне не везет, – язык молодого тоо заплетался от вина и горя, и он с трудом смог рассказать, что же случилось. – Посоветуй...

– Выбирай хороших друзей.

Гость не совсем понял концепцию, и они с отшельником провели несколько дней, обсуждая, как становятся друзьями и как перестают ими быть.

Умудренный беседами, молодой тоо собрал в своем доме родственников и знакомых. Целую луну длилось веселье, и в конце рядом остались лучшие из лучших, настоящие братья.

Погрузив на ящеров остатки вина, караван снова покинул деревню. Шел он не медленно, и не быстро, и друзья верно защищали тоо, и прибыли они в город в положенное время. Вот только ни единого кувшина вина не осталось – все выпили в дороге во славу Харру.

Одна лишь птица с алыми крыльями ждала дома молодого тоо, и ее он принес отшельнику.

– Чего хочешь ты, сын мой? – устало спросил старик, поглаживая шелковые перья. – Я отдал тебе всю мудрость, которую имел. Я не могу повести караван за тебя.

– Забудь про караван, – махнул рукой тоо. – Давай лучше выпьем и поговорим о вечном. Например, о бабах.

Отшельник радостно закивал и вскочил с лавки так, будто к нему вернулась молодость. Вот только она не вернулась, и, наступив на конец своей же бороды, старик рухнул вниз лицом – прямо на лампу с золотыми лепестками. Когда молодой тоо перевернул старика, тот уже не дышал, а птица с алыми крыльями вылетела в распахнутую дверь и скрылась в облаках. Если она и спела когда-то, то уже для другого.

Земля у хижины была скалистой и волглой, но отшельник заранее выкопал в ней могилу. Уложив его лицом к Ше-Бара и засыпав камнями, молодой тоо сел на порог и крепко задумался. Он размышлял всю ночь, а рано на рассвете, поблагодарив Харру за новый день, вернулся внутрь. В разохшемся от времени сундуке нашел он нетронутый кошель с книрами. Его хватило бы, чтобы купить ящера и стать погонщиком в

караване другого тоо.

Аори ткнули локтем в бок, и она с удивлением покосилась на соседа.

– Он каждый раз заканчивает эту историю по-разному, – прошептал арах. Прозрачные бусины глаз блестели от веселья. – А мораль ухитряется вывести одну и ту же.

– Посмотрел молодой тоо и на лампу, масло в которой уже догорело, но он знал, где старик держит запасы, и на ковер, на котором так сладко спать. И налил себе вина, и сел на лавку, и стало ему хорошо. И остался он в хижине, и отрасстил постепенно бороду. И, когда слышал стук в дверь, обязательно отвечал “Войди, сын мой” и раздавал советы.

А где-то далеко-далеко, дальше застилающих тропинки облаков, шли караваны, и вели их тоо, что не искали простых ответов. Тоо, которые ошибались и исправляли ошибки, и этим становились сильнее. Тоо, которые сами прокладывали свой путь.

Шуким с улыбкой обвел взглядом свою большую семью. Уставшие, притихшие, они ненадолго оставили обычные заботы и мечтательно всматривались в огненные языки. Даже пламя, утомившись плясать на углях, потрескивало сонно и приглушенно.

Кто однажды поведет свой караван? Тоо не взялся бы угадывать. Но каждому из них он доверял свою жизнь.

Никто не струсил, никто не побежал, когда вспыхнуло черное масло. Даже чужачка, что сидит, опираясь подбород-

ком на колени, и задумчиво водит по углям обгоревшей веточкой тавуки. Ей до невозможности тяжело в пустыне, но не ноет, не просит помощи. Еще не сестра, но уже нечто большее, чем случайная попутчица.

Почувствовав взгляд тоо, Аори подняла голову, и в ее зрачках заплесало пламя.

Шуким отвернулся и скомандовал отбой. И, когда чужачка даже не пошевелилась, подошел. Не вздыхая, как вздыхал, встречая глупость, а с затаенным ожиданием чего-то важного.

– Что неясного в моем приказе?

– Там кто-то бродит, – Аори скованно, но без откровенного страха мотнула головой в сторону тьмы за освещенным кострами кругом.

Тоо ее и взглядом не удостоил.

– Да. Духи бури.

– Демоны?

– Это одно из имен, и не самое верное, – когда Шуким наклонил голову, резкие тени на лице сделали его самого похожим на злое потустороннее существо. – Они приходят к кострам, чтобы вместе с нами почтить Харру. Чтобы слушать. И тот караван, что прогонит их, тот тоо, что поленится закончить день, как должно, встретит их снова, в сердце бури. И духам уже не хватит слов.

Аори зевнула, уткнувшись лицом в плечо – так устала, что даже руку поднять казалось непосильной задачей. Хотелось

на четвереньках отползти под натянутый у бока ящера тент, а еще лучше – рухнуть прямо тут.

– Пустыня учит нас терпению и уважению, что суть одно и то же. К себе и всему, что в ней есть. И ты теперь – часть ее, Аори.

Часть... Мир живет в людях, а не в песках, тоо. И я благодарна ему за то, что больше не иду одна.

Сиэ спрыгнула в густые ежевичные кусты с поистине кошачьей грацией. Ни единой колючки не зацепилось за ее шерсть... то есть, одежду. Выбравшись из зарослей, измененная энергично замахала руками, но Аори предпочла спуститься по осыпающейся, извилистой, но все-таки тропинке, а не ломиться через лес напрямую.

Конечно, подруга не стала ее дожидаться. Умчалась вперед, туда, где между синих игл пробивались косые лучи света. Следом за ней Аори вышла на опушку и остановилась у одной из сосен, подставив лицо свету. Погладила кору... теплая, живая. Хвойный аромат пьянил, и Аори зажмурилась ненадолго.

Бесконечное лето. Время замерло в этом полдне, в этом запахе, в едва слышном поскрипывании веток на ветру, в солнечном луче, ласкающем щеку.

Улыбаясь, Аори переступила через перекрученный, шишковатый корень и вышла на уходящий вниз уступами утес. Измененная сидела на самом краю, подогнув под себя одну

ногу и беспечно раскачивая другой, и подруга устроилась рядом, плечом к плечу.

Синее мерцающее поле расстиралось вдалеке, насколько хватало взгляда, и растворялось в сизой дымке у горизонта. Верхушки сосен чуть заметно покачивались на ветру, и иглы отблескивали в солнечных лучах. Как масло на сковородке, шкворчали многочисленные кузнечики, и горная речка, прыгая по камням у подножия скалы, вплетала веселый рокот в полуденный хор.

На широкой отмели Аори разглядела щекастого грызуна. Или, может, не очень щекастого, но яркие желтые пятна на мордочке придавали коричневому зверьку потешный вид. Сидя у кромки воды, он осторожно умывался, то и дело поглядывая вверх в поисках опасности. Людей на краю скалы он то ли не счел таковой, то ли просто не заметил.

За рекой начинался лес, а за ним, ясно видимые в чистом воздухе, поднимались крыши домов. В основном черепичные, выцветшие, но были там и стеклянные купола, и металлические шпили, и закрученные спиралью антенны, и некие и вовсе непонятные устройства, по которым то и дело проскакивали электрические разряды.

– Третий полис, – глядя вдаль, Сиз сцепила руки в замок и потянулась. – Один из самых сильных городов.

– Он не кажется особо большим.

– Ну, в сравнении с Астралью – конечно. Но полисы растут вглубь, а не вширь.

Аори поерзала, вынула из-под себя небольшую шишку и запустила вниз. Та падала несколько долгих секунд, пока не исчезла в речных струях.

– Видела бы ты планету Теней! Один огромный город. Небоскребы, небоскребы... Сидят друг у друга на голове.

– Тени – самые странные существа, каких я встречала. Им удалось то, что не удавалось никому и никогда – перемещение сквозь реальность. И вместо того, чтобы жить, развиваться, осваивать другие миры, они как маньяки стаскивают их богатства в свой собственный. Зачем?

– Это их дом, – Аори искоса посмотрела на подругу. – Они уходили только потому, что верили, что вернутся.

– С полисами проще. Куда их ни перенеси, все равно тварей притянет к человеческой энергии. Уж лучше держаться вместе, прятаться вместе, сражаться вместе, если не осталось другого выхода.

Аори поежилась. За последнюю луну она узнала о Мишруми куда больше, чем хотела бы знать. И достаточно, чтобы понять, насколько повезло другим мирам. Людям в них... Да, на Астрали невесело во время прорыва, но изменяющие уничтожают демонов подчистую, и можно снова жить, не опасаясь, что останешься без ноги, наступив на тень.

На Мишруми демоны живут всегда. Мелкие и не очень, они пробираются через многочисленные разрывы пространства. Часть из них существует рядом с людьми, подъедая излишки энергии и порой нехотя помогая в мелочах. Прочие

же уходят в дикие земли – охотиться на зверей и друг друга.

И время от времени, без всякой системы и правил, твари сбиваются в стаи и мчатся туда, где тепло светится человеческая жизнь. Гон не отпускает до тех пор, пока демоны не исчезают, обессиленные. Нет у них вожака, чтобы направить удар или приказать остановиться. Так что самый простой способ выжить – не оказаться на пути стаи, когда она несется через город.

И не гулять по лесу в одиночку в остальное время.

– Так ты мне полис показать хотела?

Солнце, закончив с предварительными ласками, начинало ощутимо припекать макушку и исцарапанные колени. Прогулки по лесу не располагали к шортам, но Аори напялила их в знак непонятного ей самой протеста, равно, как и майку. Полчаса назад она даже была белой.

К Сиэ, как всегда, никакая грязь не цеплялась. Да и жара измененной не особо докучала – она, разве что, скрутила узлом рубашку на поясе.

– Почти. Посмотри вниз.

Аори посмотрела. Грызун на отмели уже напился, удалил-ся в истрепанные водой кустики и теперь горбился там в процессе еще одного немаловажного дела.

– Невероятное зрелище.

Проследив за ее взглядом, Сиэ зашипела, ухватила подопечную за загривок, как котенка, и потянула вперед и влево.

– Ай-яй!

– Будешь брыкаться – с обрыва навернешься. Случайно. Измененным зрением смотри, балда.

– От балды слышу...

– Аор-р-ри!

Решив не доводить дело до смертоубийства, она прищурилась.

Разрыв реальности пульсировал примерно посередине между обрывом и рекой. Если как следует разбежаться по поросшему лишайником камню, наверное, можно и допрыгнуть. Попасть на Грань, добрести до точки выхода и вернуться на Астраль.

Можно и не допрыгнуть, тогда переместишься немного другим способом.

Аори передернула плечами, сбрасывая руку подруги.

– Это единственный разрыв в окрестностях базы. Остальные заштопали при строительстве.

– План бир?

– План ут, скорее. Все Искатели подключены к Нексусу и могут напрямую перейти.

– Кроме тебя.

– Ну и таких, как ты.

Аори поболтала ногами, рассматривая, как вода разбрасывает блики на перекатах.

– Есть хоть один подключенный в гвардии?

Сизэ мотнула головой. Арканиуму тяжело далось решение делиться с местными артефактами, и еще сложнее – обучать

их основам изменения. Мишруми настолько сросся с Гранью, что многие мужчины обладали зачатками дара. Да, у большинства его не достало бы даже на пятисекундный щит, но и одна секунда может жизнь спасти.

Вот ребята и договорились с магистратами полисов, и каждый год обучали и тренировали гвардейцев. И, вместе с ними, некоторых изменяющих.

А вот женщин в гвардии не было. Ни одной. Если на Мишруми и рождались одаренные, то их дар был настолько слаб, что никто не успевал о нем узнать.

– Есть подключенные среди изменяющих. В основном, тех, кто сознательно удерживается от трансформации. Что-то мне подсказывает, с некоторыми из них ты еще познакомишься.

Блики на воде потускнели, когда солнце закрыло пушистое, как комок ваты, и такое же белоснежное облако. Оно плыло по небу медленно и величаво, словно королева в первом вальсе осеннего бала.

– Кто удерживается... Я не понимаю. Если можно стать сильнее, могущественнее, если можно оторваться от реальности и перестать быть ее инструментом – зачем отказываться?

Уголок губ Сиз дернулся.

– А что, кто-то гарантирует все, что ты сказала? Мы все умерли и возникли заново, те, кто стали измененными. А сколько исчезло, растворилось в Грани? Скольких не при-

няла обратно реальность? Ты никогда не сможешь пережить изменение, милая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.